

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

**Институт государственного
управления
и предпринимательства**

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОГО
МЕГАПОЛИСА
И ИНОЭТНИЧНЫХ
МИГРАНТОВ**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА
И ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ**

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета

УДК 316.347: 316.356.4
ББК 60.524.56

Авторский коллектив:

И. Б. Бритвина (Введение, параграфы 1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 2.3, 2.4, 3.1, 3.2, 3.3, заключение), А. М. Бритвин (Введение, 3.1)

Г. А. Савчук (Параграфы 1.2, 2.4, 3.1, 3.3, заключение),

П. А. Шумилова (Параграф 1.1), В. А. Франц (Параграфы 2.1, 2.2, 2.3)

Рецензенты:

А. С. Ваторопин, доктор социологических наук, доцент

(Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации);

Л. Е. Петрова, кандидат социологических наук, доцент

(Екатеринбургская академия современного искусства)

П78 Проблемы формирования социальной идентичности жителей уральского мегаполиса и иноэтничных мигрантов : монография / [И. Б. Бритвина, А. М. Бритвин, Г. А. Савчук и др.] ; под общ. ред. проф. И. Б. Бритвиной. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 105 с.

ISBN 978-5-7996-2514-6

В монографии освещаются проблемы формирования социальной идентичности жителей уральского мегаполиса в условиях притока иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии. Авторы анализируют коммуникационные, культурные, экономические и политические барьеры на пути возникновения общей идентичности принимающего сообщества и внешних мигрантов. Адресовано студентам, обучающимся по направлениям «Реклама и связи с общественностью», «Социология», «Социальная работа», «Политология», «История» и др.

УДК 316.347: 316.356.4
ББК 60.524.56

© Бритвина И. Б., Бритвин А.М., Савчук Г.А. и др., 2018
© Уральский федеральный университет, 2018

ISBN 978-5-7996-2514-6

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения процессов формирования общей социальной идентичности коренных жителей и мигрантов обусловлена возрастающей интенсивностью миграционных потоков в Европе и России. Во второй половине XX века миграционные потоки существенно компенсировали демографический спад населения в Германии, Израиле и США. Трудовые мигранты заполнили места низкоквалифицированной рабочей силы и частично места специалистов высокой квалификации. В начале XXI века вооруженные конфликты в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки спровоцировали нарастание потока беженцев в Западную Европу. Эксперты заявляют, что современный миграционный кризис является крупнейшим со времен Второй мировой войны. По данным Европейского союза, в 2014 году было получено 600 тыс. заявлений от беженцев на предоставление убежища. В 2015 году мигранты подали более миллиона заявлений. Около 800 тыс. мигрантов прибыло в Евросоюз незаконно через Грецию и Турцию¹.

Россия является и страной приема мигрантов (иммигрантов), и страной их транзита, и страной оттока мигрантов (эмигрантов). Россия вошла в тройку ведущих мировых центров иммиграции (после США и Германии), а в 2007 году вышла на второе место в мире по количеству принимаемых мигрантов (после США). По данным Управления Федеральной миграционной службы, поток иноэтничных мигрантов в Россию с 2009 года вырос на 40 % (граждане стран Содружества независимых государств составляли в тот период 70 % мигрантов)². В 2013 году миграционный прирост значительно усилил естественный прирост населения России, обеспечив 92,5 % общего прироста численности населения³.

Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область как центры наибольшей концентрации финансовых ресурсов являются и центрами присутствия иноэтничных мигрантов. На эти регионы приходится более трети ми-

¹ Форум переселенческих организаций. 21.03.2016. URL: <http://migrant.ru/desyataya-sessiya-dialoga-rossiya-es-pomigracii> (дата обращения: 07.04.2016).

² Цит по: Взгляд: деловая газета. 28.12.2014. URL: <http://vz.ru/news/2014/12/28/722641.html> (дата обращения: 07.04.2016).

³ Демоскоп Weekly. 2014. № 609/610. 8–21 сент. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0635/barom01.php> (дата обращения: 01.04.2016).

грационного потока. К центрам притяжения мигрантов относится и г. Екатеринбург. По объемам привлечения иностранной рабочей силы Свердловская область переместилась на 7-е место в Российской Федерации и на 3-е место в Уральском федеральном округе¹. В общей сложности на начало июля 2015 года на территории России находилось 4 393 773 гражданина центральноазиатских республик².

Необходимость и полезность внешних мигрантов как рабочей силы и как демографического ресурса декларируется официально³. А. Вишневский, Ж. Зайончковская, М. Денисенко и др. отечественные исследователи уверены, что Россия нуждается в мигрантах из других стран, ежегодный прирост которых следует довести до 300–500 тыс. в год⁴. Однако миграционный приток имеет много минусов, минимизацией которых никто системно не занимается, а экономические и демографические выгоды оборачиваются продуцированием проблем другого уровня (идентичность, фобии, нагрузка на социальную сферу, проблемы мигрантов второго поколения и т. д.). Базовой в этом отношении является проблема формирования общей социальной идентичности, но многоуровневая система факторов формирования идентичности приезжих и принимающего социума исследована недостаточно.

Этнический состав миграционных потоков демонстрирует культурно-цивилизационную разницу между принимающим и мигрирующим сообществами. По экспертным данным, «накопленная» миграция в России составляет около 30 млн человек, в основном это выходцы из стран Центральной Азии и (в последние годы) из Украины. И если украинцы воспринимаются россиянами как культурно близкие, и социальные взаимодействия с ними, несмотря на политические собы-

¹ Миграционная служба Свердловской области: офиц. сайт. 22.01.2014. URL: <http://ufms-ural.ru/news/view/365> (дата обращения: 07.04.2016).

² Единая миграционная служба: сайт юридического центра. 04.07.2015. URL: <http://www.grrf.ru/smi-onas/novosti/470-kolichestvo-trudovykh-migrantov-iz-kirgizii-tadzhikistana-i-uzbekistana-v-rossii-prodolzhaet-rasti.html> (дата обращения: 01.04.2016).

³ Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666.

⁴ См.: Зайончковская Ж. А. Миграции населения России: новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. М.: Ваш выбор, 1997. С. 30–37; Вишневский А. Г. Альтернативы миграционной стратегии [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4215 (дата обращения: 10.04.2016).

тия, не проблематизируются, то представители стран Центральной Азии воспринимаются россиянами как культурно чужие.

По данным Федеральной службы государственной статистики (ФСГС), в 2016 году из 575 158 мигрантов, прибывших на территорию России и официально зарегистрированных Федеральной миграционной службой, 511 773 человека (89 %) прибыло из стран Содружества независимых государств¹. Доля миграционного прироста за счет иностранных граждан из стран Содружества независимых государств (СНГ) в 2016 году в Уральском федеральном округе составила 11 % от общего по стране. Из общего числа мигрантов, въехавших в Россию из стран СНГ в 2016 году, 37 % из всего количества прибывших — выходцы из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана². Как утверждает в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, количество их в ближайшее десятилетие только увеличится³. Ранее доля приезжих из стран Центральной Азии доходила до 70 %.

Таким образом, несмотря на то, что поток мигрантов из Украины несколько изменил пропорцию въезжающих, «накопленная» миграция представлена преимущественно выходцами из стран Центральной Азии. В силу того, что культурные связи со странами Центральной Азии за последние десятилетия были минимизированы, существует серьезная проблема аккультурации приезжих иностранцев. Проблемы культурного характера носят латентный характер и зачастую не осознаются или их осознание подавляется самими носителями-коммуникантами в условиях социальных требований проявления толерантного отношения к другим этническим группам. Формирование общей социальной идентичности требует теоретического обоснования и эмпирического анализа.

Эта проблема актуальна и для г. Екатеринбурга в силу его урбанистических характеристик и географического расположения. Кроме того, надо учесть, что в

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 18.09.2017).

² Федеральная служба статистики: офиц. сайт. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 08.11.2018).

³ Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 08.11.2018).

последние годы, согласно государственной политики РФ по содействию добровольному переселению соотечественников, в Россию въезжает больше иностранных мигрантов, чем этнических русских. Так, например, в Свердловской области реализуется «Программа по оказанию содействия добровольному переселению в Свердловскую область соотечественников, проживающих за рубежом, на 2013–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Свердловской области от 28.08.2013 № 1054-ПП. В рамках программы до 2020 года планируется переезд на территорию Свердловской области 17 300 человек, две трети которых представители титульных этносов стран исхода. Основными странами исхода являются Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Армения.

Эти обстоятельства актуализируют проблему изучения социальной идентичности жителей любого региона Российской Федерации. По данным исследований, проведенных авторами в г. Екатеринбурге, большинство местных жителей обеспокоено притоком в город мигрантов из стран Центральной Азии. В ситуации неприятия другой этнической группы усиливается и собственная идентичность, и стремление заставить мигрантов «быть похожими» на коренных жителей.

Содержание монографии предполагает обобщение теоретического анализа данной проблемы и публикаций, осуществленных членами авторского коллектива, а также обобщение ряда эмпирических исследований, проведенных авторами в течение последних пяти лет в городах Уральского федерального округа. Логически монография содержит анализ сущности социальной идентичности территории, ее видов, этапов формирования и барьеров.

В монографии освещена роль средств массовой информации в формировании общей социальной идентичности членов принимающего сообщества и иностранных мигрантов, а также охарактеризованы группы, на которые делятся жители Екатеринбурга под влиянием СМИ, транслирующих в целом преимущественно негативную информацию о мигрантах из стран Центральной Азии.

Отношение принимающего сообщества к иностранным мигрантам члены авторского коллектива рассматривают как важнейший фактор, влияющий на эффективность процесса формирования общей социальной идентичности. Этот фактор

будет проанализирован на примере анализа массовых опросов жителей уральского мегаполиса.

Вторая глава содержит описание типологии отношения жителей Екатеринбурга к мигрантам. Важное место в монографии занимает анализ коммуникационных проблем при взаимодействиях принимающего сообщества и внешних мигрантов. Таким образом, в данном коллективном труде свое отражение найдут важнейшие аспекты проблемы формирования общей социальной идентичности принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов.

Новизна поставленной задачи связана с обобщением теоретического и эмпирического материала для уральского мегаполиса, где проблематика формирования общей социальной идентичности принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов никем не исследовалась. Также, по нашему мнению, некоторые теоретические аспекты изучения данной проблемы носят эффект новизны: типология отношения к мигрантам; разработка модели формирования общей социальной идентичности; выявление групп среди принимающего сообщества в зависимости от воспринимаемой от СМИ информации.

1. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИИ

1.1. Социальная идентичность: сущность и подходы

Осмысление явления идентичности началось еще в древней философии. В дальнейшем средневековые философы трактуют принцип идентичности с теологической позиции и отождествляют человеческую сущность прежде всего с Богом. В новом времени идентичность рассматривается с различных позиций: например, как самоопределение индивида, которое зависит только от него самого (Ж.-П. Сартр, Э. Кант) или как неосознанное человеческое качество соотношения с абсолютным тождеством — всеединством (Ф. Шеллинг). В социальном аспекте явление раскрывается у Гегеля в модели «господин / раб». Таким образом, еще в рамках философского подхода был заложен широкий социогуманитарный подход, в рамках которого понятие идентичность носит междисциплинарный характер. Наиболее активно ее анализируют в психологии и социологии.

Целый ряд теорий сформулирован в области психологии, поэтому можно сказать, что сам термин «идентичность» имеет клинические корни. Применительно к внутреннему чувству этничности индивида термин был впервые применен З. Фрейдом в 1926 году¹, однако специально его изучением он не занимался. На данный факт указывает американский психолог Э. Эриксон, которому приписывают введение термина в широкий научный оборот в 60-х гг. XX века. Э. Эриксон исследует идентичность в качестве одного из ценных качеств личности, которые эволюция заложила как в основание каждой стадии жизни человека, так и в основу становления социальных институтов².

Немецкий психолог-социолог Э. Фромм затрагивает тему идентичности в процессе изучения общества через анализ психологического здоровья его членов³. Изучая социальное действие через интеракцию индивидов, Дж. Г. Мид попытался

¹ Цит по: Фрейд З. Обращение к членам Бнай Брит // Неудовлетворенность культурой: сб. ст. М.: Московский рабочий, 1990. С. 155–157.

² См.: Эриксон Э. Детство и общество / 2-е изд. СПб.: Ленато: АСТ: Университетская книга, 1996. С. 124.

³ См.: Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2011. С. 28.

раскрыть процесс формирования социальной идентичности человека как базиса в трансляции и интерпретации передаваемой информации. Для него идентичность — это способ развития самосознания человека и «самости» личности¹.

Психологический подход к изучению идентичности часто переходит в пограничную с социологией дисциплину — социальную психологию, поскольку идентичность двустороннее явление: с одной стороны, заложенное в человеке стремление к адекватному существованию в обществе как одному из факторов гармоничного развития и формирования своей целостности; с другой — существование определенных правил в обществе, без учета которых человек не может в нем жить.

В социологии понятие идентичности начало формироваться в конце XVIII — начале XIX веков вместе с индустриализацией общества и ростом вынужденных миграций. Современное понимание культурной идентичности имеет свое начало в «понимающей» социологии М. Вебера. Он также занимался проблемой ощущения человека в обществе и ощущения его принадлежности к обществу, но уделял внимание не классовому или коллективному самосознанию, а этническому отождествлению личности².

Осмысление идентичности применительно именно к культуре наиболее предметно происходит у П. Сорокина. Он раскрывает идентичность через понятие процесса как динамического состояния, включающего в себя логическое подлежащее — единицу: то есть то, что изменяется или находится в процессе; временные отношения; пространственные отношения; направление. Единица является центром любого процесса и претерпевает внешние и внутренние изменения³.

Т. Парсонс также уделяет особое внимание оценке значимости культурных символов в процессе общения. Понятие идентичности занимает очень четкую по-

¹ См.: Mead G. H. *Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: University of Chicago, 1934. P. 35.

² См.: Weber M. *Economy and society* / ed. by G. Roth & C. Wittich. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1978. P. 390.

³ См.: Сорокин П. А. *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель, 2006. С. 98.

зицию в теории Т. Парсонса об обществе как особом виде социальной системе, стремящейся к гармоничному существованию¹.

Э. Гофман отмечает удачность термина «социальная идентичность», наиболее близкого к культурной идентичности, поскольку наряду со структурными качествами («видом занятий») он включает и личностные качества (например, честность). Он определяет социальную идентичность одновременно и как научную категорию, и как социальное качество индивида². Ученый уделяет больше внимания не формированию или определению идентичности, а тому, как она способствует защите самости человека, проявляясь в самовыражении и создании впечатления о себе. Достаточно большое внимание идентичности уделяют П. Бергер и Н. Лукман. Их теория построена на раздвоении социальной реальности на объективную (общее состояние общества) и субъективную, которая конструируется самими людьми в ходе их интеракций. Ключевым элементом последней является идентичность³.

Один из самых популярных социологов нашего времени, британец А. Гидденс раскрывает понятие идентичности как чувство непрерывности личности в пространстве и времени, имеющую дуалистическую структуру, на полюсах которой с одной стороны, абсолютное приспособленчество (конформизм), с другой — замкнутость на себя⁴.

Американский социолог С. Хантингтон является автором теории цивилизаций, построенной вокруг понятия культурной идентичности. С его точки зрения идентификация — это включение в новые группы, которые влияют на формирование новой идентичности. С. Хантингтон, анализируя ситуацию в США, отмечал, что на идентичность огромное влияние имеет восприятие другими: «если большинство населения страны считает меньшинство отсталым и невежественным, то

¹ См.: Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 136.

² См.: Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Цит. по: Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность [Электронный ресурс] / пер. с англ. М. С. Добряковой // Экономика. Социология. Менеджмент. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/17687311>

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 85.

⁴ См.: Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. P. 201.

члены этого меньшинства воспримут это отношение, и оно превратится в часть их идентичности»¹.

Американский социолог Ф. Фукуяма, анализируя кризисное состояние современной Европы, называет его кризисом идентичности, который касается и остальных стран².

Французский социолог А. Турен кладет в основу своих взглядов понятие социального действия. Он рассматривает идентичность как оборотную сторону и в некоторых случаях даже противника социального действия, поскольку принятие идентичности представляет собой «прежде всего отказ от социальных ролей или, точнее, отказ от социального определения ролей, которые должно играть действующее лицо»³.

Американский социолог М. Кастельс рассматривает кризис идентичности в рамках проблематики крупных социальных изменений, связанных с влиянием информационных технологий. Он подчеркивает значимость идентичности для современного человека, называя ее «главным, а иногда единственным источником смыслов»⁴.

Если М. Кастельс рассматривает современное общество как информационное, то британский социолог Дж. Урри говорит об обществе мобильности и также отмечает сложности в формировании идентичности у членов такого общества⁵.

Таким образом, понятие «идентичность» имеет в современной науке крайне размытую дефиницию. Такая многозначность снижает продуктивность использования термина и как категории анализа, и как объекта практической деятельности. Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер указывают на необходимость более ясного определения сущности данного термина⁶.

Основываясь на подходе В. А. Ядова, мы разделяем понятия «идентичность» и «идентификация». Идентичность — это четкое понимание человека, с какими со-

¹ См.: Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 52.

² См.: Fukuyama F. The Challenges for European Identity = Проблемы европейской идентичности // The Global Journal. 11.01.2012. URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469>

³ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 97.

⁴ См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. С. 27.

⁵ См.: Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс, 2012. С. 349.

⁶ См.: Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // Theory and Society. 2000. Т. 29. № 1. С. 1–47.

циальными группами он чувствует общность. Идентификация же является процессом достижения этого понимания через осмысление и выбор норм различных социальных структур¹. Идентификация, в отличие от идентичности, не подразумевает «готовых» установок у субъекта. Она предполагает поиск идентичности и ее постоянную трансформацию². Таким образом, социальная идентичность может меняться под воздействием тех или иных факторов. Социальная идентичность понимается нами как примордиальная функция, в то время как идентификация имеет конструктивистскую природу. Это значит, что в человеке как социальном существе заложена необходимость в самоидентификации и самоотождествлении с каким-либо социумом и его основными характеристиками. Однако то, какой будет эта идентичность, зависит от условий, в которых человек рос, воспитывался и находится. То есть процесс идентификации пластичен, а значит, поддается корректировке в течение всей жизни. Данное воззрение на идентичность и идентификацию дает нам основание утверждать, что сращивание идентичностей разных культур возможно и будет способствовать более спокойному и продуктивному сосуществованию народов на одной территории.

Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, эффективность формирования идентичности коренных и приезжих зависит от стратегии аккультурации, которую выбирают мигранты. Этот выбор, по его мнению, связан с дилеммой: стремлением поддержать «свою культуру» и стремлением участвовать в межкультурных контактах. Исходя из этого, Дж. Берри выделяет четыре степени адаптации: ассимиляция (абсолютное принятие чужой и отказ от своей культуры); интеграция (сохранение своей культурной идентичности и одновременное присоединение к доминирующему обществу); сегрегация или сепарация (полное сохранение своей культурной идентичности и отказ от принятия культуры большинства); маргинализация (потеря культурного и психологического контакта как со

¹ См.: Ядов В. А. Социальные и социально-философские механизмы формирования социальной идентичности // Мир России. 1995. № 3. С. 4.

² См.: Санина А. Г. Генезис идей идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 3–11.

своей традиционной культурой, так и с культурой большего общества)¹. Таким образом, одним из ключевых понятий такого подхода является изменение идентичности под влиянием социокультурной ситуации в обществе и статусов взаимодействующих групп. Однако взаимодействие коренных и приезжих в свою очередь осложняется несовпадением их культурных ценностей, а соответственно и нежеланием культурно сближаться.

В последнее десятилетие в западной науке проблематика культурной совместимости местного населения и приезжих занимает важное место в исследованиях миграционных проблем. Ф. Шредер и М. Стефан-Эммрих, отстаивая применение термина «транслокальное» по сравнению с термином «транснациональное», утверждают, что культурные и языковые границы могут иметь более важное значение, чем национальные границы². Прикладной аспект проблематики культурной совместимости местного населения и приезжих — это проблема формирования общей социальной идентичности принимающего и мигрирующего сообществ. Так, бельгийские исследователи считают, что специфика восприятия мигрантами идентичности принимающей страны влияет на отношение жителей территории к иммигрантам³. Тем более что, как справедливо отмечают Ф. Шредер и М. Стефан-Эммрих, идентичность иноэтничных мигрантов имеет многоуровневый характер: мигранты имеют одновременно идентичность страны происхождения и страны приема⁴.

В процессах формирования общей идентичности россиян и внешних мигрантов большое значение имеет и многоуровневый характер идентичности жителей

¹ См.: Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы [Электронный ресурс] // Развитие личности. 2001. № 3/4. URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html

² См.: Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods // Mobilities. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 420–443.

³ См.: Roblain A., Azzi A., Licata L. Why Do Majority Members Prefer Immigrants Who Adopt the Host Culture? The Role of Perceived Identification with the Host Nation // International Journal of Intercultural Relations. 2016. T. 55. C. 44–54.

⁴ См.: Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. Указ. соч.

принимающей страны. Так, российские исследователи отмечают у жителей России превалирование государственно-гражданской идентичности над этнической¹.

Коммуникационные особенности формирования общей социальной идентичности плодотворно исследует А. В. Рязанов². По его мнению, коммуникативное пространство этноса — это сложно структурированная система, которая скрепляется с помощью внутри этнической коммуникации носителей этнического начала. Эта система состоит из совокупности взаимосвязанных и взаимозаменяемых структурных элементов. Основные среди них — это концептосфера, язык, религия, историческая память, коммуникативное поведение, которое включает в себя обычаи и ритуалы, а также мифы, ценности, мнемотопы, которые сохраняются, выражаются и транслируются посредством друг друга. А. В. Рязанов считает, что процесс коммуникации практически всегда затруднен между представителями разных (особенно полярных) в социальном отношении стран.

И. Б. Бритвина пишет, что идентичность жителей российского мегаполиса является результатом появления нового качества на основе суммирования глобальной (страновой), региональной и поселенческой (населенный пункт) идентичности. В соответствии с этим делением современные миграционные потоки иноэтнических иммигрантов (трудовых мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья) и эмигрантов из числа коренных россиян не могут не влиять на уровень формирования страновой идентичности как части идентичности жителей города. Эти же миграционные потоки (в первую очередь — потоки трудовых иммигрантов) в совокупности с внутренними межрегиональными потоками влияют на изменение идентичности на региональном уровне, способствуя размыванию этнокультурных норм. Квинтэссенцией этих процессов является трансформация идентичности жителей определенного города, состав которого зависит как от демографических, так и от миграционных процессов. На этом последнем уровне, который во многом является суммирующим, приток иноэтнических мигрантов и отток

¹ См.: Дробужева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31. С. 8, 14.

² См.: Рязанов А. В. Этнос в коммуникативном пространстве социума: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 339 с.

населения трудоспособного возраста в более крупные города является важнейшим фактором идентификационных процессов¹.

1.2. Виды социальной идентичности

В основе нашего подхода к исследованию лежит концепция Самюэля Хантингтона. С. Хантингтон рассматривал формирование идентичности как процесс, в ходе которого могут возникать множественные идентичности, которые дополняют друг друга или вступают в конфликт². Мы считаем, что идентичности можно рассматривать как сопоставимые по воздействию в том случае, если они актуализируются для индивида в зависимости от вида деятельности, которым он занимается, или обстоятельств, в которых оказывается. В противном случае они могут представлять собой иерархическую систему, когда одна из идентичностей является доминирующей и, в случае изменившихся обстоятельств, например, конфликта, заставляет индивида пересматривать свои взгляды на общность с другими группами.

С. Хантингтон выделял несколько источников формирования идентичности: естественные (аскриптивные), территориальные, экономические, политические, культурные и социальные. Источники — это группы влияния, в которые включен человек. Смена групп влияния, в которые он включен, может привести к появлению новых идентичностей. Миграция представляет собой процесс, благодаря которому источники идентичности меняются. В результате запускаются процессы появления новых идентичностей и встраивания их в систему самосознания индивида.

Современные исследователи выделяют большое количество идентичностей: половая, семейная, профессиональная, национальная, возрастная, языковая и многие другие. Применяя подход С. Хантингтона, можно утверждать, что на формирование каждой из названных выше идентичностей будут влиять одновременно

¹ См.: Бритвина И. Б. Внешняя миграция как фактор культурной идентичности территории: проблема продвижения российских городов // Век информации. Медиа в современном мире. СПб.: Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций, 2015. С. 269–271.

² См.: Huntington, S.P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity. New York: Simon & Schuster, 2004.

несколько источников и, в зависимости от того, насколько значима для индивида каждая из групп влияния, каким образом она воздействует на процесс формирования идентичности, будет определяться взаимодополняемость или противоречивость множественности идентичностей индивида, а также их структура.

В контексте вопроса, который мы исследуем, важно выделять в структуре социальной идентичности общую идентичность мигрантов и жителей принимающей территории, которая формируется на базе того, что в изменяющихся экономических и политических условиях им приходится проживать на одной территории и взаимодействовать друг с другом. Нужно подчеркнуть, что кроме указанных источников на формирование общей идентичности мигрантов и коренных жителей территории влияют и все остальные источники идентичности: естественные, культурные и социальные.

Формирование общей социальной идентичности членов принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов для последних располагается между двух полюсов: принятие гражданства и принятие новых культурных условий, норм повседневного поведения. Если приезжий получает или стремится получить гражданство Российской Федерации, то у него должна формироваться новая гражданская идентичность, он должен определять себя через новую социальную группу граждан той страны, на территорию которой приехал. Вместе с тем в повседневном взаимодействии он вынужден не только приспосабливаться к новым культурным нормам поведения, но и должен принять их, т. е. определять себя через общность с жителями территории, на которой теперь проживает.

Для коренных жителей территории формирование общей социальной идентичности также достаточно сложный процесс: им требуется, с одной стороны, признать за иноэтничными мигрантами право на получение гражданства, с другой — принять трансформацию культурной среды территории, которая происходит потому, что мигранты привносят свои культурные привычки и нормы поведения в повседневное взаимодействие. Для жителей территории — это болезненный процесс. Большое влияние оказывает тот факт, что коренные жители не понимают целесообразности приема большого количества внешних мигрантов. Значение имеет и

субъективно воспринимаемая горожанами культурная дистанция с иноэтничными мигрантами, которая в свою очередь определяет социальную дистанцию.

Барьеры, мотивация на сближение, установки, этапы и факторы развития этого процесса изучены еще недостаточно. Опыт США и стран Западной Европы является очень противоречивым. Ситуация в России имеет специфику в первую очередь в силу того, что ныне самостоятельные страны ближнего зарубежья ранее входили в общее правовое, экономическое и культурное пространство СССР.

Появление общей социальной идентичности у принимающей стороны и иноэтничных мигрантов — это результат идентификации представителей данных групп в меняющихся социальных условиях, которые заставляют индивида «надстраивать» над базовой этнической идентичностью новые уровни.

Общую социальную идентичность жителей территории мы рассматриваем как итог процесса идентификации, который протекает под влиянием миграционных перемещений и миграционного прироста. Общая идентичность является результатом трансформации идентичностей, имеющих у иноэтничных мигрантов и у местных жителей.

Общая идентичность выстраивается на признании общности проживания на одной территории и принадлежности к одной социальной группе, поэтому ее можно назвать идентичность по территории проживания (территориальная идентичность). Новая социальная идентичность у мигрантов формируется и встраивается в структуру между этнической идентичностью и новой гражданской (русской) идентичностью, и ее появление сопровождается принятием культурных и повседневных норм поведения, принятых на данной территории.

Появление общей социальной идентичности у мигрантов и коренных жителей для иноэтничных мигрантов возможно только при условии, что они готовы к изменениям взглядов и установок, определяющих их повседневное поведение. Это очень важно в контексте проблемы, связанной с массовыми внешними миграциями, провоцирующими негативные социальные процессы скрытого или открытого противостояния культур принимающего сообщества и приезжих.

Культурная принадлежность, по нашему мнению, имеет особую природу — она всегда проявляется в реальных эмоциях и чувствах, в поступках без дополнительных «информационных надстроек». Проявляясь в условиях культурного противопоставления, она чаще всего выражается словесной формулой «у них так, а у нас совсем не так». Л. Н. Гумилев отмечал, что антитеза «мы / они» — это универсальное явление, имеющее глубокую подоснову и даже выделял способность к противопоставлению как детерминанту этноса¹. В своем труде «Этногенез и биосфера Земли» Л. Н. Гумилев определяет этнос как «устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющих себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения»². Осознание этого отличия происходит не в рамках специализированного уровня культуры (профессионального, научного, художественного и пр.), а на быденном уровне. Именно на этом уровне и осуществляется акцентуация на разнице реакций и культурных форм их выражения. Процесс актуализации культурной принадлежности происходит через осознание, что определенные образцы поведения не соответствуют ожидаемым реакциям, и, наоборот, в отсутствии наработанных, усвоенных и уместных моделей поведения в несвойственных «родной» культуре ситуациях.

Для комфортного существования в окружающем социуме человек вырабатывает определенные формы поведения, которые упрощают ежедневное взаимодействие индивидов внутри определенного общества. Складывается набор паттернов, предполагающих поведенческий алгоритм, состоящий из принятых форм осуществления коммуникации и определенных ожиданий в ответ на них. Это можно отнести к понятию социальных привычек, необходимых для того, чтобы не обдумывать каждый раз стратегию поведения и сохранять комфортное коммуникативное состояние. Такие привычки, названные П. Бурдьё габитусом, формируются посредством социальных отношений. Габитус — система схем восприятия и оценивания, это когнитивные и развивающие структуры, которые агенты, находясь в

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб.: Кристалл, 2001. С. 25.

² Там же. С. 98.

определенной стратификационной позиции, получают в ходе социальных взаимодействий. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик¹. Они формируются в течение длительного времени и являются историческим продуктом, отражающим социальную позицию, в которой он (габитус) был сформирован. Именно поэтому, как отмечает П. Бурдьё, началом чувств симпатии, антипатии, кооптации, дружбы, любви, брака, ассоциации и т. д. и, следовательно, всех устойчивых связей является чувство сходства габитуса². При столкновении с другой культурой возникает ощущение разницы габитусов. Привычные схемы поведения не имеют ожидаемой реакции, а незнакомые образцы вызывают затруднения в их интерпретации. В этот момент у индивида возникает осознание разницы в поведенческих паттернах, через которое приходит определение себя как субъекта одной культуры, отличной от другой. Антитеза «их правила / наши правила» актуализирует понимание индивидом себя как носителя определенной культуры.

При анализе миграционных проблем в области взаимоотношений между мигрирующим и принимающим сообществом нужно анализировать сферу повседневного общения, поскольку недовольство друг другом возникает как результат столкновения в обыденной жизни. В связи с этим можно выделить области регулярной социальной интеракции, в которых функционируют различные, но фиксированные в рамках определенной культуры схемы поведения (культурные привычки), например, межгендерная, межпоколенная, профессиональная, межстатусная, возрастная, религиозная, бытовая, семейная, дружеская и пр. Далее следует определить в рамках каких из этих областей активнее всего происходит межкультурная коммуникация в конкретно взятом обществе и провести сравнительный анализ коммуникационных паттернов конкретных культур, выявляя базовые несоответствия в принятых в этих культурах шаблонах самовыражения и ответных реакций. После этого производится соотнесение целей интеракции и оценки принципов ее осуществления.

¹ См.: Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 75.

² Он же. Социология социального пространства. С. 71.

Поскольку в данной монографии речь идет о проблемах, возникающих в результате разницы культур принимающего сообщества и внешних иноэтничных мигрантов, то имеет смысл отметить, что для безопасного сосуществования с членами принимающего сообщества именно мигранты в определенной степени должны принять культурные нормы страны, в которую прибывают. Как отмечает Л. Н. Гумилев, инкорпорация достаточно большого количества инокультурных масс может привести к разложению этноса¹. Однако любые привычки, в т. ч. и культурные, менять не просто, поэтому со стороны иноэтничных мигрантов, как правило, используется тактика воссоздания своего мира «на чужбине» и стремление к временному (с целью адаптации) или постоянному максимальному сокращению контактов с представителями принимающей культуры. Это выражается в стремлении к созданию «этнических кварталов» или «капсулированию» мигрантов. Это стало большой проблемой в Европе. В России на данный момент проводится политика, не допускающая массового и закрытого территориального расселения мигрантов на территории страны. Так, например, в Екатеринбурге район Сортировки традиционно считается неким этническим анклавом. Однако по сути он таковым не является, поскольку на его территории проживают представители не одного этно-национального меньшинства, а очень многих: китайцы, кавказцы, выходцы из стран Центральной Азии. Тем не менее, трудовые мигранты стремятся к сплочению и обособлению по этно-национальному признаку, стараясь проживать совместно на жилплощади, вместе работать и проводить свободное время. Происходит это от того, что при взаимодействии с принимающей культурой они чаще всего получают в ответ негативные реакции. Исходя из теорий «зеркального Я» (Ч. Х. Кули), «обобщенного другого» (Дж. Г. Мид) и значимости одобрения для индивида со стороны окружающих, можно выделить механизм формирования культурных привычек, в котором присутствуют несколько основных элементов: совершение коммуникативного действия стороной А, получение ответного одобрения со стороны Б, повторение коммуникативного действия стороной А (желательно несколько раз).

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2001.

Однако, исходя из концепции П. Бергера и Т. Лукмана, нежелание со стороны приезжих принимать культурные нормы принимающего сообщества можно объяснить тем, что мнение представителей принимающего сообщества для них не важно. Другими словами, совокупность представителей принимающего сообщества не интересна самим мигрантам как общество, в которое они хотели бы встроиться.

В начале XXI века в мире фиксируется увеличение числа лиц, склонных к проявлению националистических настроений и экстремизму, и даже мелкие инциденты на этнической и религиозной почве провоцируют локальные конфликты. В такой ситуации изучение этнической культуры жителей полиэтничных регионов как фактора их интеграции/деинтеграции приобретает большое значение. В условиях полиэтничного региона степень приверженности к этническим ценностями «своей» национальной группы может играть двоякую роль. С одной стороны, социальное разнообразие региона является залогом успешности его развития. Так, Джейн Джекобс на примере городов США установила положительную корреляцию между «процветанием» города и «городским разнообразием»¹. Среди факторов, влияющих на городское разнообразие, Дж. Джекобс выделяет наличие высокой концентрации в городе разных по социальным характеристикам людей. По мнению отечественных авторов, позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности². Но, с другой стороны, «сильная» культурно-этническая идентичность является барьером на пути интеграции мигрантов в новое сообщество, не способствует интеграции с коренным населением региона, приводит к возникновению так называемых «этнических кварталов». Особое значение в этом контексте занимает позиция молодежи как самой активной в коммуникативном и поведенческом отношении группы. Согласно теории аккультурации, разработанной Дж. Берри, эффективность интеграции коренных и приезжих

¹ См.: Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.

² См.: Лебедева Н. М. Этническая толерантность в России и способы ее укрепления [Электронный ресурс] // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе: междунар. науч. конф. (Ставрополь, 6–9 окт. 2003 г.). URL: <http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1-35.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

во многом зависит от стратегии аккультурации, которую выбирают мигранты: ассимиляция; интеграция; сегрегация (сепарация); маргинализация¹.

Пути формирования общей социальной идентичности иноэтничных мигрантов и принимающего российского сообщества зависят от выбора стратегий интеграции, что обусловлено необходимостью взаимного изменения социальных групп с целью конструктивного сосуществования на одной территории. Как мы уже рассмотрели выше, для формирования общей социальной идентичности иноэтничные мигранты должны не только соблюдать законодательные требования страны, в которую они приехали, но и принимать культурные нормы, нормы повседневного поведения, распространенные на этой территории.

Данные нашего исследования показывают, что мигранты из Центральной Азии готовы принять нормативно-правовые требования (92,2 %), знать русский язык (89,6 %) и соблюдать российские культурные нормы (76,1 %). Но это касается официальных норм поведения и тех требований, которые предъявляются государством для разрешения находиться на территории России. Менять свои повседневные привычки для безопасной жизни в Екатеринбурге большинство мигрантов не готово. Так, готовность кардинально изменить свои поведенческие привычки высказали лишь 11,7 % опрошенных мигрантов, готовность частично их поменять — 35,5 %, отсутствие такой готовности — 16,5 %. Соблюдать повседневные нормы поведения принимающего сообщества согласны около трети мигрантов (например, с тем, что надо не отличаться от жителей Екатеринбурга стилем одежды, согласны лишь 30,9 % опрошенных мигрантов).

Данные исследования наглядно демонстрируют, что важнейшим элементом во взаимоотношении россиян и мигрантов из Центральной Азии является культура, а точнее — разница культур. Можно утверждать, что частичное или полное принятие гражданской идентичности со стороны трудовых мигрантов не является достаточным для того, чтобы принимающее сообщество могло перейти на позитивную модель коммуникативного взаимодействия с ними. Важно, чтобы иноэтничные ми-

¹ См.: Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183–193.

гранты приняли модель повседневного поведения, распространенную на данной территории. С нашей точки зрения, этому могло бы способствовать формирование общей социальной идентичности мигрантов и принимающего сообщества на основе общности проживания и включенности в общие социальные группы.

Для успешности процесса формирования общей социальной идентичности в нем должны принимать участие коренные жители территории. Установки и ожидания по отношению к мигрантам существенно влияют на интеграционный процесс. Основными требованиями к мигрантам со стороны горожан являются соблюдение российских законов и культурных норм, знание русского языка. То есть те требования, с которыми согласно большинство мигрантов.

Но, вместе с тем, по всей видимости, остается что-то еще, что не устраивает горожан. Результаты нашего исследования свидетельствуют, что среди жителей Екатеринбурга преобладает отрицательное отношение к росту числа мигрантов из стран Центральной Азии: так ответили 60,2 % респондентов; 30,9 % не имеют четко выраженной позиции (безразлично относятся или затруднились с ответом) и только 8,9 % отметили, что относятся положительно к данному процессу.

Отметим, что у респондентов, отрицательно относящихся к росту числа иностранных мигрантов из стран Центральной Азии, тесно связаны между собой гражданская и этническая идентичности, в то время как у тех, кто положительно относится к росту числа мигрантов, либо преобладает гражданская идентичность, либо они затрудняются определить свою идентичность (значение критерия хи-квадрат: 34,767).

Таким образом, в ситуации непринятия конкретной этнической группы у принимающего сообщества усиливается собственная идентичность (уровни гражданской, локальной и этнической идентичности тесно связаны), а также стремление заставить мигрантов во взаимодействиях «быть похожими» на коренных жителей. Другими словами, для жителей принимающей территории различия культур актуализируются и становятся фактором, препятствующим формированию общей социальной идентичности.

В контексте проблемы формирования общей социальной идентичности мигрантов и принимающего сообщества был проанализирован многоуровневый характер идентичности и мигрантов, и членов принимающего сообщества. В структуре идентичности у принимающего сообщества преобладает гражданский аспект, тогда как у мигрантов более ярко выражен этнический.

Таким образом, социальная идентичность жителей территории — это сложное по структуре и по специфике формирования социальное явление. Общая социальная идентичность складывается на основе включения всех жителей территории в систему взаимодействий, в рамках которых субъекты ощущают себя членами территориальной группы и заинтересованы в благополучии данной территории. А следовательно, в осуществлении внешней и внутренней миграционной политики необходима разработка мер по формированию гражданской идентичности, надстраивающейся над этнической, с целью успешной интеграции мигрантов в принимающее сообщество и формированию общей социальной идентичности.

2. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА

2.1. Проблемы формирования общегражданской идентичности коренных и приезжих

В контексте рассмотрения общегражданской идентичности, равно как и идентичности вообще, согласимся с мнением Г. Г. Дилигенского о том, что идентификация индивида с большой социальной группой является мощным фактором политического выбора¹. Таким образом, феномен идентичности изначально содержит в себе политический потенциал, т. к. наличие четко сформулированных ценностей, интересов и целей, которое характерно для устойчивых социальных групп и их представителей, неизбежно ведет к столкновению с интересами представителей других групп. Политику и «политическое» же мы понимаем в духе К. Манхейма — как сферу столкновения и взаимоопределения интересов различных социальных общностей².

То, как будет реализован политический потенциал идентичности, во многом определяет возможность формирования зрелой гражданской идентичности как у мигрантов, так и у самих представителей принимающего сообщества. Можно сформулировать эту идею и иначе: политическая идентичность индивидуума оказывает существенное влияние на его социальную интеграцию и формирование общегражданской идентичности. Данное влияние может быть как положительным, так и отрицательным — в зависимости от того, какие идеологические установки политическая идентичность индивидуума имеет в своей основе. Так, если индивидуум строит свою политическую идентичность, в первую очередь, на основе этнической принадлежности, это с высокой вероятностью приводит к социальным конфликтам и межэтнической напряженности.

¹ См.: Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. С. 282.

² См.: Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

Под политической идентичностью мы понимаем, в первую очередь, вовлеченность граждан в политико-институциональные взаимодействия в рамках различных политических общностей, а также на уровне государства в целом. Она утверждается в ходе соотнесения собственных представлений о приоритетах общественного развития с идейными ориентациями и целями политических акторов. Осуществленный выбор политической идентичности закрепляется с помощью средств символической политики (имиджи, знаки, ритуалы). Возможными результатами формирования политической идентичности являются: структурирование общества, интеграция интересов групп, формирование общественного мнения и обеспечение социального контроля.

В контексте исследования миграционных процессов политический процесс мы рассматриваем как динамическое взаимодействие следующих акторов: со стороны гражданского общества — мигранты и их общины, диаспоры, организации в защиту прав и свобод мигрантов, движения, выступающие против миграции и мигрантов, а также политические партии. Со стороны государства — законодательные, исполнительные и судебные органы федеральной, региональной и муниципальной власти.

Основные формы политической деятельности иностранцев традиционно связаны с использованием прав на забастовку, членством в политических и других организациях, участием в деятельности консультативных советов, а также в местных избирательных кампаниях. Индикаторами политико-правовой интеграции мигрантов служат их правовой статус, наличие или отсутствие ограничения их прав, в частности политических, условия получения гражданства страны проживания и т. п.

В свете того, что в современных постмодерных по своей сущности обществах происходит постепенная эрозия границ все большего числа разнообразных социальных групп и размывание их ценностных систем, этническая принадлежность зачастую оказывается одним из наиболее доступных и понятных базисов формирования идентичности. При этом приобретение этнической идентичностью поли-

тического оттенка приводит к частичной социальной дестабилизации и снижению уровня национальной безопасности.

На наш взгляд, можно выделить два вида факторов, влияющих на характер политической идентичности мигрантов и, в частности, на риск возникновения этнонационалистических настроений: институциональные и идеологические. Институциональные включают права мигрантов и формы их участия в социально-политической жизни государства. Идеологические включают особенности отношения к мигрантам в обществе, специфику интеграционной парадигмы (ассимиляционизм, мультикультурализм, другое), а также наличие или отсутствие общей для всех жителей государства объединяющей идеи и системы ценностей. Зачастую некорректное управление принимающим государством идеологическими или институциональными аспектами интеграции формирует ситуацию, в которой иноэтничное население начинает обостренно чувствовать свою этническую принадлежность или оказывается вынужденным проявлять деструктивную политическую активность. В большинстве случаев это связано с ущемлением прав мигрантов и дискриминацией по этническому признаку.

Политическую активность мы понимаем в рамках подхода С. Вербы и Дж. Ная как активность социальных групп или индивидуумов, связанную с формулированием и выражением собственных потребностей и интересов, со стремлением изменить существующий социально-экономический или политический порядок и соответствующие политические институты. Очевидно, что такой императив, как стремление к изменению социально-экономического или политического порядка, с неизбежностью предполагает наивысший градус социальной напряженности¹.

С нашей точки зрения, опыт государств, предоставляющих мигрантам максимально равные с местным населением права, в том числе политические, подтверждает положительное влияние такого подхода на уровень социальной интеграции. Мы имеем в виду опыт предоставления рядом европейских стран (Дания, Швеция, Бельгия, Нидерланды и др.) избирательного права на муниципальном уровне

¹ См.: Verba S., Nie N. H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York: Harper & Row, 1972. 428 p.

мигрантам, имеющим постоянный вид на жительство. Также положительную роль играет сокращение срока натурализации (США, Канада).

Кроме того, исследования значительного числа западных ученых, в частности Х.-Й. Хоффман-Новотны, П. Ирленда, К.-О. Хондриха, показывают, что степень интеграции в местное сообщество, характерная для тех или иных групп мигрантов, зависит, в первую очередь, от локального институционального контекста, и в гораздо меньшей степени — от этнической или социально-классовой принадлежности этих групп. Так, результаты исследований П. Ирленда продемонстрировали, что в рамках территорий, где власти субсидировали мигрантские ассоциации, активно привлекали иноэтничное население к работе консультативных органов власти, где режим взаимодействия властей с мигрантами и их лидерами в целом был достаточно открытым, мигрантское население демонстрировало наиболее высокие показатели интегрированности в местное сообщество и было в меньшей степени привязано к странам происхождения. В случаях же, когда политический ландшафт территории определялся партиями и политиками, далекими от нужд мигрантов и лишь спорадически вступавшими в контакт с иноэтничным населением, мигранты были в большей степени склонны формировать собственные структуры (родительские, культурно-просветительские и т. д.) и сохраняли тесные связи со странами происхождения¹. Таким образом, можно утверждать, что максимальная политическая интеграция способствует снижению в структуре идентичности мигрантов этнического аспекта и повышению роли общегражданской идентичности.

Несмотря на то, что, как показали исследования, с течением времени политическая активность мигрантов имеет тенденцию снижаться², важен сам факт их вовлечения во все аспекты жизни общества с целью обеспечения чувства максимальной сопричастности, необходимого для формирования гражданской идентичности. Развитая гражданская идентичность предполагает полное соотнесение

¹ См.: Koopmans R., Statham P. *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 233–282; Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. 312 p.

² См.: Rath J. *Political Action of Immigrants in the Netherlands: Class or Ethnicity?* // *European Journal of Political Research*. 1988. № 16/6. P. 635.

индивидуумом себя с государственно-политической общностью, позитивное отношение к государству проживания и, как правило, высокую оценку его внешней политики, а также социальной политики. Все это невозможно обеспечить без максимального вовлечения мигрантов в общественную жизнь, включая ее политические аспекты.

Также в рассматриваемом контексте хотелось бы отметить, что на международном уровне благоприятными условиями интеграции иностранцев считаются безопасность проживания, возможность воссоединения с семьей в стране пребывания, доступ к натурализации и борьба с дискриминацией¹.

При этом, как показывает статистика, в России реализация как минимум двух из этих условий является проблематичной. Так, на сегодняшний день мигранты, в особенности те, кто приезжает на временные заработки из государств Центральной Азии, не могут в полной мере рассчитывать на безопасное проживание и отсутствие дискриминации. Согласно результатам исследований В. В. Чупик, мигранты в нашей стране ощущают себя дискриминированными:

- в сфере труда и занятости, в условиях и оплате труда;
- в сфере найма и покупки жилья;
- в бытовых отношениях с местным сообществом;
- в отношениях с государственными органами, особенно с правоохранительными органами².

Большинство социальных услуг, доступных россиянам, недоступны для мигрантов. Исключением являются три базовых услуги: бесплатная экстренная медицинская помощь, помощь роженицам и обучение детей мигрантов в российских школах. Однако в сравнении с уровнем социального обеспечения, доступным мигрантам в ЕС, эти возможности достаточно малы. Наряду с интеграционными практиками, между российскими и зарубежными законодательными и правоприменительными практиками также существует большой контраст. В частности, стоит отметить, что Российской Федерацией не были подписаны Международная

¹ См.: Васильева Т. А. Политика интеграции: западноевропейский опыт // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М., 2014. С. 236.

² См.: Чупик В. В. Дискриминация мигрантов в России // Там же. С. 111–138.

конвенция ООН о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г., вступила в силу в 2003 г.), Конвенции Международной организации труда (International Labour Organization) № 97 «О трудящихся-мигрантах» (1949 г.) и № 143 «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения» (1975 г.). Все это создает почву для проявления деструктивных форм политической активности мигрантов и построения их идентичности на этнической основе, препятствуя обретению ими российской общегражданской идентичности.

Развитию данной тенденции способствуют и особенности современной международной политической ситуации. Так, в связи с ужесточением миграционной политики России в 2015 году и уменьшением присутствия американских войск в Афганистане риск распространения исламского экстремизма на Таджикистан и Киргизию стал значительно выше. При этом многие исследователи и аналитики подчеркивают, что возможность для выходцев из этих государств работать и зарабатывать в России является весомым фактором, снижающим риск усиления экстремистских тенденций и межэтнических конфликтов в обществе. В частности, экспертами международного дискуссионного клуба «Валдай» было высказано следующее мнение: «У революций и гражданских войн имеется определенная демографическая динамика. И до тех пор, пока молодые мужчины из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии могут зарабатывать в России, они вряд ли пойдут под знаменем джихада свергать политические режимы у себя дома <...>. Возможное возобновление гражданской войны в Таджикистане неизбежно вынудит Россию вмешаться»¹.

Особенный интерес представляет тот факт, что даже при успешной агентно-профессиональной адаптации мигрантов опасность вовлечения в экстремистские течения все же сохраняется. Такое положение дел обусловлено рядом причин, среди которых: наличие в среде коренного населения России приверженцев радикальных направлений ислама, увеличение притока радикально настроенных му-

¹ См.: Безруков А., Мамонов М., Маркедонов С., Сушенцов А. Международные угрозы 2016 [Электронный ресурс] // Внешняя политика. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/forecasts/mezhdunarodnye-ugrozy-2016/#Потенциальные%20конфликты%20в%20Азии> (дата обращения: 22.11.2018).

сультман в Россию и активная пропаганда с их стороны, недостаточно отработанные механизмы интеграции мигрантов в принимающее сообщество и т. п. При этом строгость законодательства государств Центральной Азии по отношению к исламистам приводит к тому, что, помимо трудовой миграции в Россию, имеет место миграция религиозных фундаменталистов, которые могут вести агитационную работу в среде российских мусульман. Кроме того, питательной средой для экстремизма является и незаконная миграция, размеры которой в РФ пока еще достаточно велики.

Необходимость уделяния особого внимания работе с молодежью обусловлена тем, что экстремисты, активно используя Интернет, пытаются вербовать последователей именно в молодежной среде. В частности, в 2016 году на территории УрФО были задержаны вербовщиков международного интернет-сообщества «Рохнамо ба суи давлати исломи», что переводится как «Путеводитель в исламское государство». По словам специалистов, участвовавших в ходе следствия в работе с гражданами, подвергшимися вербовке, воздействие вербовщиков было направлено в первую очередь на молодежь. При этом специалисты, работавшие с молодежью в ходе дела «Рохнамо ба суи давлати исломи», подчеркивали, что многие завербованные молодые люди были выходцами из социально и экономически благополучных семей мигрантов. Это является прямым доказательством того, что, как уже говорилось ранее, успешная агентно-профессиональная адаптация не всегда является достаточной для профилактики экстремистских настроений. Для этого требуется, в первую очередь, успешная политическая и духовно-культурная интеграция мигрантов в принимающее сообщество.

Подводя итог, можно сказать, что для успешного формирования общегражданской идентичности мигрантов необходимо создание условий для снижения роли этнической компоненты в общей структуре их идентичности и профилактики проявления деструктивных форм их политической идентичности и активности. Такими условиями являются наделение мигрантов максимальными возможностями участия в политической жизни государства, такими как участие в муниципальных выборах и оказание консультативной помощи органам государственной

власти, возможность свободного проявления иных конструктивных форм политической и гражданской активности. Также важным условием является равноправие с местным населением и отсутствие дискриминации по этническому признаку. Во избежание экстремистских настроений, возникающих на религиозной почве, необходимы усилия в отношении духовно-культурной интеграции с россиянами, в особенности такой категории мигрантов, как молодежь.

2.2. Барьеры на пути формирования социальной идентичности россиян и внешних мигрантов

Социальная идентичность предполагает принадлежность к какой-либо социальной группе — семье, трудовому коллективу, политической организации или социально-политическому движению, обществу в целом. Наиболее доступными для мигрантов группами социальной самоидентификации являются трудовые и учебные коллективы. Рассмотрим, какие барьеры существуют на пути интеграции в рамках названных, а также некоторых других, социальных групп.

В качестве методологической основы мы будем использовать следующую классификацию типов интеграции мигрантов в принимающее сообщество: локально-территориальная, естественно-антропологическая, агентно-профессиональная, духовно-культурная¹.

Также В. А. Франц была разработана собственная классификация факторов формирования общей социальной идентичности мигрантов из стран Центральной Азии и россиян. В наиболее общем виде их можно разделить на международные и внутригосударственные.

Международные факторы.

Среди наиболее значимых международных факторов можно назвать международную обстановку в целом и уровень международной напряженности, влияющий на уровень национальной безопасности в России, который, в свою очередь, воздействует на восприятие россиянами мигрантов из стран Центральной Азии (как

¹ См.: Акмалова А. А., Капицын В. М. Современная этническая миграция и миграционная политика (идентификационный аспект) // Общество. Государство. Политика, 2009. № 1. С. 60–73.

возможного источника угрозы). Также существенным международным фактором являются взаимоотношения России и государств Центральной Азии, в рамках которых, с точки зрения формирования общей идентичности мигрантов из этих стран и россиян, особую роль играет российская политика по формированию положительного образа государства, а также так называемая «внешняя» миграционная политика.

При этом, несмотря на внушительные масштабы деятельности органов власти и негосударственных организаций по реализации мягкого влияния в странах СНГ («внешняя» миграционная политика.), а также наличие «благодатной почвы» в виде советского наследия, российская «мягкая сила» на сегодняшний день сталкивается с существенными вызовами на евразийском пространстве. Так, в Казахстане в образовательной сфере английский и китайский языки начинают вытеснять русский. В Узбекистане также на текущий момент изучению английского языка отдается предпочтение в сравнении с русским. В Таджикистане за последнее время был принят целый ряд законов, в значительной степени выводящих русский язык из официального употребления. В целом эксперты говорят об очевидном снижении интереса к изучению русского языка в странах Центральной Азии, а также уменьшении в них российского культурного и образовательного присутствия в сравнении, в первую очередь, с американским. Также повышается привлекательность Китая как альтернативного места временной трудовой миграции. Кроме того, с 2014 года приток иностранных граждан, в том числе представителей стран Центральной Азии, как в Россию, так, в частности и в Екатеринбург, начал снижаться. Снижение притока иностранных лиц обусловлено факторами политического, экономического, и институционального характера. Однако, как показали наши исследования, среди мигрантов, приезжающих в Екатеринбург, популярность города и страны достаточно велика. Так, из 231 временного трудового мигранта из Средней Азии 63 % опрошенных высказали намерение получить российское гражданство, 47 % — остаться в России на постоянное жительство. При этом мигранты демонстрируют достаточно высокий уровень готовности к адаптации. Так, среди желающих остаться в России 90 % согласны с

необходимостью хорошо знать русский язык, 78,9 % согласны с тем, что необходимо соблюдать российские культурные нормы, 92,7 % согласны с необходимостью соблюдать российские законы. Однако, как показали результаты опросов и интервью с экспертами, готовность к интеграции тех, кто приезжает на временные заработки и не планирует остаться в России навсегда, гораздо меньше. Притом что доля таких мигрантов относительно доли желающих остаться в последние годы растет, что может обернуться новыми сложностями во взаимодействии мигрантов и местных жителей.

Относительно второго фактора — уровня международной напряженности и, как следствие, национальной безопасности внутри России — можно утверждать следующее. В последние несколько лет уровень международной напряженности существенно растет. Существенно увеличилась активность радикальных исламистских террористических организаций, в первую очередь, Исламского государства. При этом строгость законодательства государств Центральной Азии по отношению к исламистам приводит к тому, что, помимо трудовой миграции в Россию, имеет место миграция религиозных фундаменталистов, которые могут вести агитационную работу в среде российских мусульман.

Внутригосударственные факторы.

В рамках проведенного анализа были выделены два типа факторов, влияющих на способность и готовность мигрантов из Средней Азии к интеграции в местное сообщество: институциональные и идеологические.

Институциональные факторы включают особенности и основные задачи миграционной политики органов государственной власти, а также миграционного законодательства, права мигрантов и формы их участия в социально-политической жизни государства, деятельность гражданского общества, в частности некоммерческих и диаспоральных организаций, связанную с интеграцией мигрантов. Кроме того, к институциональным факторам можно отнести вопросы обеспечения благоприятных условий проживания мигрантов в принимающем сообществе. На международном уровне благоприятными условиями интеграции

иностранцев считаются безопасность проживания, возможность воссоединения с семьей в стране пребывания, доступ к натурализации и борьба с дискриминацией.

Идеологические факторы включают наличие или отсутствие общих для всех жителей государства гражданской и культурной идентичностей, особенности отношения к мигрантам в обществе (официальный дискурс власти, общественность в целом, общественные организации, политические партии, СМИ), специфику интеграционной парадигмы (ассимиляционизм, мультикультурализм, дифференцированная интеграция).

Существенное значение в числе институциональных факторов имеет содержание и качество интеграционных программ. В качестве успешных примеров таких программ можно привести интеграционные программы, реализуемые такими странами, как Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Нидерланды и др. Современные исследователи делят их на две основные их разновидности¹. Первый и наиболее распространенный тип представляет собой программы первичной адаптации мигрантов, включающие обязательное прохождение интеграционных курсов. Такого рода программы, как правило, предполагают финансирование Правительством организацию муниципалитетами интеграционных курсов, что, на наш взгляд, является особенно ценным примером для России. Немаловажно, что участие в таких программах является для европейских мигрантов бесплатным.

Вторым типом интеграционных программ являются программы, ориентированные на мигрантов, которые по тем или иным причинам не смогли адаптироваться к принимающему сообществу — безработных или получающих социальную помощь (Швеция, Финляндия). Такого рода программы предполагают право мигрантов, зарегистрированных в качестве безработных или получающих социальное пособие, на индивидуальный интеграционный план — соглашение, заключаемое между муниципальными органами самоуправления, организацией по трудоустройству и самим мигрантом. Данное соглашение гарантирует поддержку мигранта и членов его семьи в процессе приобретения знаний и навыков, необходимых для успешного трудоустройства и общей адаптации к принимающему со-

¹ См.: Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М., 2014. 245 с.

обществу. Интеграционный план может включать содействие в изучении языка принимающего государства, профессиональное консультирование и реабилитацию, тренинги и другие необходимые меры. Что немаловажно, интеграционный план должен быть разработан в течение двух месяцев с момента потери мигрантом работы или начала получения социальной помощи.

Также, на наш взгляд, интерес представляет распространенный во многих странах Европы феномен межкультурного посредничества — неформальная практика профилактики и урегулирования межэтнических и межкультурных конфликтов на основе принципов добровольности, беспристрастности и конфиденциальности. В качестве посредников, как правило, выступают мигранты, уже успешно интернировавшиеся в принимающее сообщество и способные оказать помощь соотечественникам и представителям принимающего государства в вопросах взаимной адаптации.

Вышеописанные исследовательские выводы были взяты нами за основу анализа институциональных аспектов интеграции мигрантов и государственно-частного партнерства в данной сфере в Екатеринбурге и Свердловской области, а также для оценки степени социальной интегрированности (на разных уровнях — локально-территориальном, естественно-антропологическом, агентно-профессиональном, духовно-культурном) и готовности к более глубокой интеграции мигрантов из Центральной Азии, проживающих в Екатеринбурге и Свердловской области, привлекательности для них города и страны в целом.

В рамках исследовательского проекта «Формирование идентичности мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как проблема взаимoadaptации в условиях российского мегаполиса» в 2016 году группой под руководством И. Б. Бритвиной было проведено два опроса мигрантов из стран Центральной Азии и местных жителей в Екатеринбурге, а также реализована серия интервью с экспертами — представителями некоммерческих организаций и органов государственной власти. Опросы мигрантов и местных жителей позволили частично определить уровень привлекательности России для мигрантов и их стремление к интеграции в местное сообщество, а также отношение местных жителей к мигрантам с точки

зрения наличия / отсутствия тенденции к дискриминации. Интервью с экспертами дали возможность оценить ситуацию в сфере государственно-частного партнерства в области миграции, а также степень соблюдения прав мигрантов в различных сферах.

По результатам исследования можно констатировать следующее. Основными направлениями миграционной политики органов государственной власти Свердловской области (Департамент внутренней политики губернатора Свердловской области, Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по Свердловской области и др.) в настоящий момент являются: снижение уровня неформальной занятости мигрантов путем создания условий для ведения бизнеса, при которых затруднена нелегальная деятельность, расширение спектра инструментов и каналов информирования мигрантов об их правах и обязанностях, процедуре получения патента, трудоустройстве и т. п., совершенствование миграционного и регистрационного учета, совершенствование системы контроля соблюдения законов иностранцами.

С 2017 года в Свердловской области разрабатывается проект программы социокультурной адаптации мигрантов, предполагающий содействие им в овладении русским языком, приобретении знаний в области истории России и основ законодательства. Однако данный проект предполагает платное для мигрантов (в том числе из стран Центральной Азии) обучение, к которому, как показывают опросы, они не готовы. Учитывая европейский опыт реализации бесплатных для мигрантов интеграционных программ, а также мнения экспертов, высказанные в ходе интервью, можно утверждать, что платный характер интеграционных курсов является существенным институциональным барьером для успешной интеграции мигрантов. Это приводит к тому, что интеграция осуществляется силами, в основном, соотечественников мигрантов, но такая адаптация является искаженной и приводит, в частности к анклавизации. Также это повышает уровень угроз национальной безопасности и негативно влияет на восприятие мигрантов местным населением. Бесплатные услуги по интеграции в Екатеринбурге и области оказывают мигрантам, главным образом, некоммерческие организации (НКО) или

диаспоральные организации. Однако это происходит на нерегулярной основе, т. к. в большинстве случаев зависит от грантового финансирования.

Можно отметить высокую активность и роль гражданского общества в лице НКО и диаспоральных организаций в Екатеринбурге и области в интеграции мигрантов в различных сферах. В Екатеринбурге на сегодняшний день действует семь этнических общественных объединений мигрантов из стран Центральной Азии, из них три таджикских, два узбекских, одно казахское и одно киргизское. Основной целью создания данных организаций была необходимость оказания информационной и социальной поддержки недавно иммигрировавшим соотечественникам, а также популяризация культуры страны происхождения в Российской Федерации.

Кроме того, интеграции мигрантов оказывают содействие ряд НКО, к настоящему времени имеющих значительный общественный авторитет и осуществляющих активное взаимодействие с муниципальными и региональными органами государственной власти. Это такие НКО, как некоммерческое партнерство «Межнациональный информационный центр», Свердловская региональная ассоциация общественных объединений «Ассоциация национально-культурных объединений Свердловской области», региональное общественное учреждение культуры «Свердловский областной Дом мира и дружбы» и др.

Наиболее распространенными направлениями деятельности национальных и иных НКО являются: сохранение и популяризация традиций стран происхождения мигрантов, содействие мигрантам в изучении русского языка и законодательства, содействие в прохождении юридических и иных процедур, необходимых для легального проживания и трудовой деятельности в РФ, защита прав мигрантов. Менее распространенными, но также довольно часто встречающимися направлениями деятельности таких организаций являются деятельность по привлечению внимания общественности и власти к проблемам миграции, формирование позитивного образа мигрантов в глазах местного сообщества, а также социально-психологическая помощь мигрантам. Все перечисленные организации осуществляют активное взаимодействие с органами государственного управления (Сверд-

ловская областная администрация, Администрация Екатеринбурга, Аппарат уполномоченного по правам человека Свердловской области и др.).

Интервью с экспертами показали, что для Екатеринбурга и Свердловской области характерна достаточно высокая активность гражданского общества, особенно в лице этнических общественных объединений, в отношении интеграции мигрантов. Опрошенными экспертами в качестве существенного преимущества города и области указываются сильные диаспоральные организации, осуществляющие работу с соотечественниками.

При этом эксперты отмечают, что адаптация мигрантов в Екатеринбурге на уровне органов государственной власти имеет достаточно стихийный характер, данная деятельность недостаточно систематизирована, нет необходимого количества программ адаптации мигрантов. Вновь прибывший в город мигрант получает поддержку, главным образом, со стороны соотечественников, но такая адаптация является искаженной и приводит к анклавизации. Однако с властью в целом можно вести диалог, она прислушивается к мнению общественности и представителям НКО.

Также эксперты подчеркивают существенную роль этнических организаций в обеспечении защиты прав мигрантов, а также в разрешении межэтнических конфликтов и в борьбе с экстремизмом. При этом основным направлением деятельности органов власти, отвечающих за вопросы межэтнических отношений в городе и области, как подчеркивают сами эксперты, является координация национально-культурных организаций в сфере профилактики экстремизма и недопущения межнациональных конфликтов на территории области и города. Их основной задачей является координация работы национально-культурных организаций и содействие их самостоятельному обеспечению адаптации вновь прибывающих в область мигрантов. Таким образом, можно говорить о том, что деятельность по обеспечению национальной безопасности в контексте взаимодействия мигрантов и местного населения возложена в Екатеринбурге и области в значительной степени на гражданское общество в лице этно-национальных НКО.

Можно сделать вывод, что в Екатеринбурге и Свердловской области существует своеобразный аналог европейского института культурных посредников, что играет положительную роль в их адаптации, однако, посреднические усилия, предпринимаемые общественностью в сфере интеграции мигрантов, не всегда встречают необходимую поддержку со стороны институтов государственной власти. Помимо прочего, эксперты подчеркивают недостаток государственного финансирования при реализации НКО необходимых интеграционных программ.

Также эксперты подчеркивают сложную ситуацию с соблюдением прав мигрантов и наличие несовершенств в соответствующем законодательстве, а также в реализации бюрократических процедур. По их мнению, большинство мигрантов, не зная правил и законов Российской Федерации, попадают в сложные условия, когда создаются препоны для того, чтобы они легально регистрировались и получали документы. Это, во-первых, правовой нигилизм, недобросовестное отношение правоохранительных органов, мошеннические отношения сограждан, то есть тех лиц, которые уже приехали из государств Центральной Азии и адаптировались. Во всех этих случаях компетентные общественные объединения стараются им помочь, но зачастую не имеют возможности, потому что те сроки и те обязательства, которые несет в себе российское законодательство, вовлекает мигрантов в неправомерные отношения.

Что касается Екатеринбурга и Свердловской области, согласно результатам наших исследований, здесь отмечается дискриминация в сфере труда и занятости. Наиболее распространенным нарушением прав мигрантов является невыплата заработной платы. Кроме того, эксперты отмечают наличие дискриминации в сфере представления медицинских и образовательных услуг, а также государственных услуг, дискриминацию и злоупотребление служебным положением со стороны представителей правоохранительных органов. При этом возможность воссоединения с семьей вообще пока выпадает их правового поля.

При этом с целью содействия соблюдению прав мигрантов, рядом НКО реализуются проекты по обучению мигрантов основам российского законодательства, а также использованию существующих процедур защиты прав. В сфере защиты

прав мигрантов НКО реализуется достаточно тесное взаимодействие с аппаратом уполномоченного по правам человека в Свердловской области и иными общественными институтами.

Что касается миграционной привлекательности Екатеринбурга и Свердловской области, опрос трудовых мигрантов в Екатеринбурге продемонстрировал достаточно высокий уровень миграционной привлекательности страны для приезжих из стран Центральной Азии и готовность интегрироваться тех мигрантов, которые планируют сделать Россию страной своего постоянного проживания. При этом трудовые мигранты из Центральной Азии, не планирующие остаться в России навсегда, демонстрируют гораздо меньшую готовность к интеграции. Это подтверждают и результаты опроса экспертов. Так, по их мнению, из-за бюрократических барьеров и коррупции в сфере легализации мигрантов, часть приезжих, которые прибывают в город на заработки, практически не покидает свое место работы и взаимодействует только с земляками, а также с коллегами-мигрантами из других государств. При этом единственным местом, которое они могут посещать раз в неделю, становится мечеть, что зачастую приводит к радикализму, а также к тому, что приезжие, вместо того, чтобы изучать российские, местные обычаи и традиции, привыкают к исламу и арабским традициям.

Можно отметить, что адаптация мигрантов в Екатеринбурге на уровне органов государственной власти имеет достаточно стихийный характер, данная деятельность недостаточно систематизирована, нет необходимого количества программ адаптации мигрантов. Вновь прибывший в город мигрант получает поддержку, главным образом, со стороны соотечественников, но такая адаптация является искаженной и приводит к анклавизации. Однако с властью в целом можно вести диалог, она прислушивается к мнению общественности и представителям НКО, существуют консультативные советы с участием мигрантов при органах государственной власти.

Об идеологических факторах и барьерах социальной интеграции мигрантов можно сказать следующее. Как показали результаты наших исследований, отношение местного населения к мигрантам является настороженно-нейтральным.

В целом екатеринбуржцы оценивают присутствие мигрантов из Центральной Азии в городе и стране скорее негативно. Так, большинство (56,3 % из 485 опрошенных) считает прием мигрантов из данного региона проблемой, которая обостряет многие другие проблемы горожан. Однако при обсуждении частных вопросов местные жители проявляют более лояльное отношение: 62,7 % считают возможным давать мигрантам из Центральной Азии гражданство при соблюдении с их стороны российских законов и культурных норм. В качестве требований к мигрантам, выполнение которых необходимо для комфортного сосуществования с местным сообществом, опрошенные назвали, в первую очередь, соблюдение российских культурных норм и законов, а также знание русского языка. Большинство опрошенных подчеркнули, что их отношение к мигрантам из Центральной Азии зависит, в первую очередь, от того, является ли пребывание мигранта в России и его трудовая деятельность здесь легальной (54,8 %), каков уровень образования мигранта (35,3 %), в какой сфере мигрант осуществляет трудовую деятельность (28,7 %). Большинство опрошенных (43,7 %) отметили, что, так или иначе, контактируют с мигрантами. В основном эти контакты происходят в связи с предоставлением мигрантами услуг местному населению (27,8 %), а также проживанием по соседству (22,3 %). При этом в деловых отношениях большинство, 30,5 % опрошенных екатеринбуржцев рассматривают мигрантов в качестве подчиненных и только 20,2 % в качестве партнеров, 55,7 % воздержались от однозначного ответа.

Таким образом, учитывая результаты опросов местного населения и мигрантов, можно сказать, что местное сообщество готово принять мигрантов при соответствии их вышеуказанным требованиям, а мигранты из Центральной Азии, в свою очередь, в целом готовы данным требованиям соответствовать. Однако наблюдается тенденция к дискриминации в трудовой сфере (местное население рассматривает мигрантов преимущественно как подчиненных). Также наблюдается неготовность мигрантов и местного населения к жизни по соседству друг с другом. Мигранты стремятся селиться среди соотечественников, а местное население не высказывает большого желания иметь мигрантов в качестве соседей, что

создает потенциал анклавизации в Екатеринбурге. Кроме того, по словам экспертов — представителей некоммерческого сектора, самой большой проблемой в сфере адаптации мигрантов является незнание русского языка. В Екатеринбурге и в Свердловской области не существует ни одной бесплатной школы русского языка ни для детей мигрантов, ни для взрослых.

Что касается интеграционной парадигмы, можно сказать, что в финальном виде в Екатеринбурге она не сформирована даже на уровне органов государственной власти. Местное население, судя по результатам опросов, тяготеет к ассимиляционистской парадигме (требование соблюдения российских культурных норм), однако в реальности, судя по уровню и характеру интегрированности мигрантов (большинство из них придерживается собственных культурных норм и религиозных принципов), интеграционные практики, существующие в Екатеринбурге по факту, формируют ситуацию, более близкую к мультикультурализму.

В отношении структуры идентичности можно заметить, что у россиян преобладает общегражданский аспект (хотя гражданская идентичность даже у россиян на сегодняшний день требует дополнительной проработки и развития), тогда как у мигрантов куда более ярко выражен этнический аспект. Это говорит о необходимости осуществления мер по формированию позитивного имиджа России в рамках как внешней, так и внутренней миграционной политики, а также по формированию гражданской идентичности у мигрантов. Социальная и культурная идентичности находятся у мигрантов еще на более низком уровне. Формирование гражданской идентичности у приезжих (что является более простым и безболезненным делом по сравнению с формированием социального и культурного типов идентичности) могло бы стать значительным шагом к их успешной интеграции в принимающее сообщество.

Подводя итоги, можно сказать, что мигранты из стран Центральной Азии, планирующие переселиться в Россию для постоянного проживания, демонстрируют достаточно высокий уровень готовности к интеграции в местное сообщество. Те же, кто приезжает в Россию временно, готовы интегрироваться (изучать русский язык, российское законодательство, местные культурные нормы, активно взаимо-

действовать с местным населением) в гораздо меньшей степени. Именно эта категория приезжих несет в себе наибольший заряд социальной напряженности. Стоит отметить, что эта же категория является наиболее уязвимой с правовой точки зрения: в настоящее время имеет место большое число правонарушений и иных дискриминационных практик в отношении временных трудовых мигрантов из Центральной Азии. В целом, дискриминация, в первую очередь правовая, является и в Свердловской области, и в России одной из наиболее значимых проблем в сфере миграции. Снижение количества правонарушений в отношении мигрантов и уровня их дискриминации могло бы существенно повысить миграционную привлекательность страны и ее отдельных территорий, т. к. мигранты, возвращающиеся на родину, становятся ретрансляторами позитивного образа России.

Гражданское общество, в первую очередь в лице этнических НКО, демонстрирует достаточно высокую активность в сфере интеграции мигрантов, особенно это характерно для крупных мегаполисов. Органы государственной власти реализуют мероприятия в сфере миграционной политики во многом с опорой на институты гражданского общества.

Авторами была осуществлена политическая экспертиза миграционных процессов в условиях приграничного региона. В Свердловской области отмечаются связанные с миграцией снижение уровня безопасности и риск террористических угроз. При этом каких-либо форм деструктивной политической активности мигрантов из стран Центральной Азии не наблюдается. Преобладают конструктивные формы политической активности, такие как участие в консультативных советах при органах государственной власти, членство в общественных объединениях. В целом же уровень политической активности мигрантов из стран Центральной Азии низок. Это связано с тем, что политическая идентичность большей части мигрантов сформирована крайне слабо, в ее структуре этнический аспект преобладает над общегражданским. В политике органов государственной власти преобладает деятельность по контролю соблюдения мигрантами российского законодательства и противодействию неофициальной занятости. Интеграционная же политика ведется пока неэффективно.

Как внешний фактор формирования общей идентичности принимающего общества и мигрантов был проанализирован и экономический фон осуществления взаимодействий между мигрантами из стран Центральной Азии и жителями Екатеринбурга. Один из парадоксов современного мира заключается в том, что многие страны страдают от перенаселения и одновременно с этим борются за трудовые ресурсы. В итоге трудовая миграция становится существенным фактором экономических преобразований отдельных стран и целых регионов. Трудовая миграция сегодня трактуется как экономически целесообразная, способствующая социальным преобразованиям не только современного, но и будущего общества. Особенно это важно для России, вступающей в период демографического кризиса, являющегося результатом низкой рождаемости, начиная с 1990-х гг. В условиях дефицита трудовых ресурсов поиск резервов для экономического роста становится жизненно необходимой стратегией.

В современных условиях значение миграции в формировании человеческого потенциала мегаполиса определяется степенью соответствия потребности его экономики в трудовых ресурсах и их наличием, а также возможностями адаптации трудовых мигрантов и их семей к местным экономическим и социально-культурным условиям.

В настоящее время мегаполис Екатеринбург является крупным межрегиональным инновационно ориентированным промышленным, финансовым, научным, образовательным и культурным центром Уральского федерального округа. Екатеринбург — четвертый по численности населения город в России, транспортно-логистический узел на Транссибирской магистрали, административный центр Свердловской области. Свердловская область предъявляет высокий спрос на иностранную рабочую силу. Как отмечает Н. В. Воробьева, основная трансформация занятости трудовых мигрантов происходит в сфере распределения иностранной рабочей силы по видам экономической деятельности¹. Именно рынок регулирует перетекание из одного сектора экономики в другой (см. табл. 2.1).

¹ См.: Воробьева Н. В. Трансформация занятости трудовых мигрантов [Электронный ресурс] // Единый миграционный центр: сайт. URL: <http://migraciaural.ru/content/63/vorobeva-n-v-k-e-n-institut-ekonomiki-uro-ran-g-ekaterinburg-transformatsiya-zanyatosti-trudovykh-migrantov/1> (дата обращения: 10.12.2018).

Таблица 2.1 — Изменение структуры занятости иностранных работников по видам экономической деятельности в 2017 году, %¹

Вид экономической деятельности	2007	2017	Темп роста
Строительство	48,9	29,5	61,8
Оптовая и розничная торговля	30,6	26,2	84,3
Обрабатывающие производства	7,0	15,1	206,2
Транспорт и связь	6,0	7,5	122,0
Коммунальные и социальные услуги	4,1	11,2	263,1
Сельское хозяйство	0,3	3,9	1233,6
Другие виды	3,1	7,1	237,5

К основным экономическим барьерам формирования общей социальной идентичности мигрантов и жителей Екатеринбурга можно отнести отраслевое распределение трудовых мигрантов, усиление ориентации муниципальной и региональной миграционной политики на краткосрочную трудовую миграцию, снижение образовательного уровня прибывающих в г. Екатеринбург трудовых мигрантов, рост культурной дистанции между ними и местным населением.

Результаты наших исследований позволяют выделить следующие социальные барьеры на пути формирования общей социальной идентичности жителей Екатеринбурга:

— наличие социальной дистанции между жителями территории и иноэтничными мигрантами;

— нежелание екатеринбуржцев менять свои культурные привычки (74,2 % совершенно не готовы меняться под влиянием новых культурных норм, которые несут с собой мигранты);

— негативно-безразличное отношение екатеринбуржцев к мигрантам (только 8,9 % опрошенных настроены положительно к приему мигрантов;

— большой перечень требований, которые выставляют екатеринбуржцы по отношению к мигрантам (см. табл. 2.2);

¹ Там же.

Таблица 2.2— Требования к иноэтничным мигрантам
из стран Центральной Азии, %

Перечень требований	Пол		
	Мужской	Женский	В целом
Соблюдать наши законы	69,1	66,4	67,7
Знание русского языка	65,0	62,5	63,6
Соблюдать культурные нормы, принятые в России	62,3	64,8	63,6
В общественных местах говорить только на русском языке	29,5	29,2	29,4
Молодежь из этих стран в России не должна вести себя вызывающе	27,3	27,3	27,3
Не создавать при расселении «этнические кварталы»	22,3	19,4	20,7
Не претендовать на рабочие и учебные места, которые могли бы занять россияне	13,6	23,3	18,8
Не требовать особых условий для соблюдения своих религиозных обрядов	15,5	19,0	17,3
Не демонстрировать свои культурные отличия в одежде, поведении, обычаях	15,0	12,3	13,5
Другие требования	2,3	2,0	2,1
Не знаю	2,7	1,6	2,1
Нет ответа	0,5	0,0	0,2

— формальный настрой мигрантов на изменение культурных привычек (см. табл. 2.3)¹;

¹ Несмотря на то, что мигранты в ходе опроса продемонстрировали более высокую готовность менять свои культурные привычки по сравнению с жителями Екатеринбурга, они готовы при переезде в Россию в первую очередь принимать общегражданскую, а не общекультурную идентичность. Статистическое влияние на готовность менять свои культурные привычки имеет лишь желание мигрантов получить российское гражданство. Стремление получить российское гражданство высказали 62,8 % иноэтничных мигрантов.

Таблица 2.3 — Готовность мигрантов и жителей Екатеринбурга менять свои культурные привычки для безопасной жизни, %

Варианты ответа	Жители Екатеринбурга	Мигранты
Совершенно не готов(а) менять свои культурные привычки	74,2	16,5
Ради безопасности частично готов(а) поменять свои культурные привычки	12,2	35,5
Готов(а) кардинально изменить свою культуру	0,2	11,7
Не знаю	12,6	35,1
Нет ответа	0,8	1,3
Итого ответивших	100,0	100,0

— отсутствие или слабый опыт взаимодействия с мигрантами (43,7 % екатеринбуржцев контактируют с мигрантами из стран Центральной Азии, но в основном контакты носят случайно-поверхностный характер; 26,6 % — практически не контактируют) (см. табл. 2.4);

Таблица 2.4 — Если Вы контактируете с представителями этих национальных групп, то чаще всего, в каком качестве?

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших
Коллеги по работе	67	13,9
Соседи по дому, по двору	108	22,5
Друзья	42	8,7
Родственники	7	1,5
Как родители детей (школа, детский сад, спортивная секция и др.)	28	5,8
Как посетители учреждений здравоохранения (для взрослых, для детей)	68	14,1
Как клиенты различных сервисных служб (кафе, почта и т. д.)	135	28,1
Как заказчики услуг / работодатели (ремонт жилья, уборка помещений и др.)	96	20,0
Во время прогулок по улицам города, во дворе, в парках, в кинотеатрах	124	25,8
В каком еще качестве вы с ними контактируете?	26	5,4
Практически не контактирую с представи-	128	26,6

Варианты ответа	Число ответивших	% от числа ответивших
телями этих национальностей		
Студенты	1	0,2
Одногруппники	1	0,2
Нет ответа	19	4,0
Итого ответивших:	481	176,7*

* Респонденты могли выбрать неограниченное число ответов.

— стереотипное негативное отношение к некоторым этническим группам с обеих сторон;

— коммуникационные барьеры между мигрантами и местными жителями (не работают вместе, живут в разных частях города, незнание языка, нет каналов получения полной и положительной информации о мигрантах);

— россияне не знакомы с культурами этносов стран Центральной Азии и не различают языки и культуры этих народов (70,7 % ничего о них не знают; лишь 4,7 % сказали, что отличают эти этносы по внешности друг от друга);

— преимущественно негативный характер информации о мигрантах, транслируемой СМИ (56,1 % екатеринбуржцев имеют больше отрицательной информации о мигрантах, и лишь 11,8 % — больше положительной информации; 56,1 % узнают эту информацию по телевидению, 32,2 % — через новости в Интернете, через личные контакты с мигрантами — только 23,7 %);

— исповедующие ислам субъективно воспринимают дистанцию между культурой своего народа и русской культурой как более длинную (см. табл. 2.5);

— факт кровного родства с местными жителями выражен слабо¹.

¹ 14,3 % мигрантов сообщили, что они общаются с жителями Екатеринбурга как с кровными родственниками. Всего 1,4 % екатеринбуржцев сообщили, что контактируют с мигрантами как с родственниками. Лишь 5,2 % мигрантов в качестве цели переезда в Екатеринбург указали семью. По мере роста миграционных потоков из стран Центральной Азии и в силу накопительного миграционного эффекта фактор групповой общности на основе родственных отношений будет укрепляться, но пока он не выражен.

Таблица 2.5 — Влияние вероисповедания на субъективное ощущение дистанцированности с русской культурой, %

Ваша вера?	По вашему мнению, культура вашего народа и русская культура разделены как берега					
	ручей-ка	речки	океана	Не знаю	Нет ответа	Итого
Ислам	12,2	21,7	19,1	46,1	0,9	100,0
Православие	12,5	43,8	6,3	37,5	0,0	100,0
Католичество	50,0	0,0	0,0	0,0	50,0	100,0
Протестантизм	0,0	50,0	0,0	50,0	0,0	100,0
Другое	50,0	50,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Считаю себя атеистом	20,0	30,0	5,0	45,0	0,0	100,0
Нет ответа	50,0	0,0	0,0	0,0	50,0	100,0
В целом:	14,5	25,2	15,1	43,4	1,9	100,0

Анализ эмпирических данных также позволил выделить и позитивные факторы, способствующие формированию общей социальной идентичности россиян и иноэтничных мигрантов:

— общая советская идентичность, маркеры которой сохраняются в странах ближнего зарубежья;

— желание большинства мигрантов получить российское гражданство (62,8 %; из них 48,1 % хотят иметь двойное гражданство; 47,2 % хотят навсегда переехать жить в Россию);

— готовность части мигрантов не только принимать общегражданскую идентичность, но и менять свое повседневное поведение (частично изменить готовы — 35,5 %, кардинально изменить — 11,7 %);

— готовность части россиян менять свои культурные привычки ради безопасного сосуществования с мигрантами (12,2 %);

— восприятие России иноэтничными мигрантами как поликультурной страны (32 %);

— отсутствие неприязни к странам исхода мигрантов (страна исхода важна лишь для 12,6 % опрошенных жителей уральского мегаполиса).

Для более слаженной работы всех факторов, способствующих формированию общей социальной идентичности у иноэтничных мигрантов и принимающего сообщества, необходимо увеличение количества «групп взаимного влияния», состоящих как из мигрантов, так и из жителей принимающей территории. Над укреплением роли таких факторов формирования новой социальной идентичности нужно работать как этническим диаспорам и этнокультурным объединениям, так и принимающему сообществу, если обе стороны хотят, чтобы совместное существование было безопасным.

Таким образом, экономические, политические, социальные и культурные барьеры формируют существенные препятствия на пути формирования общей социальной идентичности россиян и иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии.

2.3. Роль СМИ в формировании социальной идентичности внешних мигрантов и россиян

В информационном обществе количество и качество получаемой информации о социальном явлении, социальной группе или индивиде существенно определяет отношение к этому предмету. Причины такого положения дел подробно изучены. Согласно гештальтпсихологии, искаженное восприятие зависит от установок и стереотипов¹. Стереотипы восприятия являются главными барьерами формирования собственного мнения о предмете. Общеизвестно, что подобные стереотипы в современном мире во многом формируются благодаря сообщениям СМИ, что зафиксировано в социологии массовых коммуникаций и в социологии общественного мнения. Так, например, согласно исследованию, проведенному на Украине в 2008 году, наивысший показатель недружелюбного отношения к другим этносам (28,7 %) у украинской молодежи (от 14 до 35 лет) сложился из сообщений в СМИ, а не на основании собственного опыта. Среди молодежи в возрасте от 14 до 17 лет

¹ См.: Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.

этот показатель составил 39,7 %¹. «Новые» медиа также активно участвуют в этом процессе, существенно не отличаясь от традиционных СМИ². Средства массовой информации влияют как на отдельных носителей общественного мнения, так и на социальные группы, формируя устойчивые и долговременные типы восприятия информации.

Как показали исследования ученых из Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, мнение общественности находится в прямой зависимости от: 1) интенсивности и частоты информационного воздействия СМИ, 2) характера властного дискурса и 3) мнения «лидеров мнений». При этом было выявлено, что наибольшее воздействие оказывает именно информация, почерпнутая в СМИ³.

Каков же характер информации о мигрантах и миграции, наиболее часто встречающейся сегодня в российских СМИ? Проведенный нами анализ новостных интернет-источников показал, что миграция как явление чаще представлена информацией негативного характера. Преобладает информация о нарушениях законодательства, коррупции, а также об активном противодействии государственных органов указанным явлениям. Гораздо меньшую долю составляют публикации об экономической целесообразности миграции.

Относительно мигрантов преобладают публикации нейтрального характера. Немало публикаций призвано продемонстрировать разные взгляды на поведение мигрантов в российских условиях и сформировать в общественном мнении установку, что единой модели поведения мигрантов не существует. Как и все люди, мигранты могут быть разными — агрессивными и мягкими, ответственными и безответственными, ленивыми и трудолюбивыми и т. п. Кроме того, ряд опубликованных в СМИ исследований показал, что для многих россиян миграция не является острой проблемой, потому они выражают нежелание инте-

¹ См.: Афанасьева Л. В., Букреева И. В., Глинская Л. Ф., Орлов А. В. Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального политкультурного социума // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 52–58.

² См.: Miranda Sh. M., Young A., Yetgin E. Are Social Media Emancipatory or Hegemonic? Societal Effects of Mass Media Digitization in the Case of the SOPA Discourse // Management Information Systems Quarterly. 2016. Vol. 40. № 2. P. 303–329.

³ См.: Окладникова Е. А. Общественное мнение жителей Санкт-Петербурга о трудовых мигрантах и факторы, его формирующие // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 423–430.

ресоваться данным вопросом. О невысокой заинтересованности общественности вопросами миграции говорит и небольшое количество тематических блогов, форумов и иных форм обсуждения данной тематики.

Существует также немало публикаций положительного характера, описывающих мигрантов как трудолюбивых, ответственных, непритязательных, заботящихся о семье и верных традициям людей. При упоминании же мигрантов в негативном ключе наиболее часто им приписываются такие качества, как некомпетентность, агрессивность, неуважение к культуре и законам страны нахождения, неспособность соблюдать нормы элементарной гигиены, склонность к девиантному поведению.

На наш взгляд, освещение вопросов миграции в средствах массовой коммуникации и знакомство общественности с ними носит во многом случайный характер. Большинство людей получают информацию о данном явлении в ходе просмотра новостных интернет-порталов, реже телевизионных выпусков новостей. Соответственно, возможность их ознакомления во многом зависит от частоты потребления информации, а также специфики предпочитаемых источников информации. На интернет-сайтах органов государственной власти, в т. ч. профильных ведомств, информация о миграции представлена в минимальном объеме и не всегда в удобной форме. Некоммерческие организации, специализация которых связана с вопросами миграции, еще в меньшей степени владеют инструментами донесения информации о своей деятельности до широкой общественности. Информация о них зачастую доступна только тем, кто уже заведомо знает об их существовании.

Опросив в мае 2016 года 485 жителей Екатеринбурга, 89,7 % из которых назвали себя русскими, мы выявили влияние информации в СМИ на отношение принимающего сообщества к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии (казахи, киргизы, таджики, узбеки, туркмены)¹. Применяв при обработке информации метод «сравнения двух групп», мы получили однозначное подтверждение влияния характера информации о мигрантах на отношение к ним со стороны жителей Екатеринбурга, а также на общее восприятие миграционных про-

¹ См.: Бритвина И. Б., Григорьева К. А. Влияние информации о внешних иноэтничных мигрантах на отношение к ним жителей Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 2. С. 169–174.

блем. Таким образом, мы разделили всех опрошенных на две группы: первая — те, кому в большей степени известна о мигрантах из стран Центральной Азии положительная информация («позитивисты»), вторая — кому известна о них в первую очередь отрицательная информация («негативисты»). Уточним, что группа, имеющая больше положительной информации, составляет всего 11,8 % от числа опрошенных, а группа, имеющая больше отрицательной информации — 56,1 %, что само по себе симптоматично в отношении содержания информации, транслируемой СМИ, как будет показано ниже. Остальные респонденты выбрали вариант «не знаю» (31,1 %) или не дали ответа на вопрос.

Характеристика «позитивистов» и «негативистов».

Выделенные нами группы респондентов не обладают какими-то устойчивыми социально-демографическими или этническими характеристиками. Обе группы включают подавляющее большинство этнических русских: 86 % в группе «позитивистов» и 92,3 % в группе «негативистов». Гендерный состав групп показывает, что в первой немного больше женщин: 60,7 % и 52,9 % соответственно. Мужчины преобладают в группе носителей отрицательной информации: 47,1 % и 39,3 % соответственно. Кроме того, в группе «позитивистов» больше сторонников ислама, чем в группе «негативистов» (3,5 % и 1,8 % соответственно). По возрастным и образовательным характеристикам группы не имеют существенных отличий. Симптоматичным является тот факт, что в группе «негативистов» более велика доля положительно относящихся к националистическим организациям (8,2 % и 5,3 % соответственно). Такая характеристика двух групп позволяет предположить, что социально-демографические факторы в условиях современной агрессивной информационной среды перестают быть определяющими в формировании отношения к чему-либо.

Результаты контент-анализа новостных сообщений.

Перед проведением опроса жителей Екатеринбурга был осуществлен контент-анализ сообщений СМИ о внешней миграции, размещенных на интернет-порталах. Было проанализировано 150 сообщений федеральных СМИ («Первый канал»; «Дождь»; Телеканал «Россия»; «ИноСМИ»; новостные ленты «Яндекс.Новости», «Google.Новости» и др.) и 100 сообщений региональных СМИ

(«66.ру»; «URA.RU»; «УралПолит.ру»; «Урал.ру»; новостные ленты «Яндекс.Новости», «Google.Новости» и др.). Анализ показал, что региональные СМИ дают более высокий процент размещения информации негативного характера о внешней миграции по сравнению с федеральными: 69 % и 49 % соответственно. Позитивная информация превалирует в федеральных СМИ: 29 % и 16 % соответственно. Остальная доля сообщений в СМИ носит нейтральный характер. Таким образом, региональные и федеральные СМИ в первую очередь транслируют негативную информацию о внешних мигрантах, влияя на отношение к ним. Тем более, что большинство екатеринбуржцев получают информацию о приезжих именно из СМИ. Понятно, что негативная риторика СМИ проявляется в освещении любой «повестки дня», однако для взаимoadaptации россиян и внешних мигрантов при сниженных установках тех и других на интеграцию такой негативизм может играть решающую роль.

Каналы получения информации о мигрантах.

Основную информацию о мигрантах из стран Центральной Азии жители Екатеринбурга получают тремя способами:

- из сообщений СМИ: телевидение (56,1 %); «новые» медиа в Интернете (32,2 %); газеты (17,1 %); радио (15,3 %);
- при контактах с родственниками, друзьями и знакомыми (личные встречи — 19,6 %, через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации — 15,7 %);
- при контактах с мигрантами (23,7 % — лично, 3,9 % — через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации).

Таким образом, не более четверти екатеринбуржцев имеют личные контакты с мигрантами как первоисточник получения информации.

Те, кто имеют больше отрицательной информации о мигрантах («негативисты»), чаще получают ее опосредованно через СМИ и Интернет, а те, кто имеют больше положительной информации — в основном получают ее из личных контактов с мигрантами (см. табл. 2.6).

Таблица 2.6 — Каналы получения сведений о мигрантах носителями позитивной и негативной информации, %

	Имеющие больше положительной информации	Имеющие больше отрицательной информации
Из передач по телевидению	24,6	60,7
Из личных контактов при встречах с самими мигрантами	47,4	18,0
Из контактов с россиянами в сети Интернет, через мобильную связь	5,3	18,8
Из радиопередач	5,3	17,3

* Респонденты могли выбрать неограниченное число ответов.

Отношение к внешней миграции.

Получаемая информация о мигрантах влияет и на отношение к внешней миграции в целом. Так, отношение к приему иноэтничных мигрантов имеет различный характер в зависимости от того, какая информация превалирует. Те, кто получают в основном отрицательную информацию, относятся к факту приема мигрантов в большей степени отрицательно, чем те, кто имеют больше положительной информации (67,3 % и 17,5 % соответственно) и наоборот. Отметим, что отрицательное отношение к приему мигрантов у представителей обеих групп усиливается в зависимости от места приема мигрантов (в целом Россия или конкретно Екатеринбург): 51,3 % и 60,2 % соответственно.

В соответствии с этими позициями проблематизируется и само присутствие мигрантов, которое, по мнению представителей «негативистов», только обостряет имеющиеся городские проблемы (71,3 %). Среди представителей «позитивистов» 45,6 % респондентов напротив считают, что присутствие мигрантов способствует решению городских проблем. Кроме того, представители «негативистов» в большей степени уверены, что приезжим из этих стран не надо давать российское гражданство (35,3 % и 5,3 % соответственно). Сходное мнение у представителей обеих групп проявляется лишь в отношении наделения мигрантов гражданством только при условии безусловного соблюдения с их стороны российских законов и

культурных норм (см. табл. 2.7), что свидетельствует о чувствительности россиян к культурным характеристикам приезжих и к проблемам безопасности в стране.

Таблица 2.7 — Мнение носителей позитивной и негативной информации о возможности предоставления российского гражданства мигрантам из стран Центральной Азии, %

Варианты ответов	Имеющие больше положительной информации	Имеющие больше отрицательной информации
Не нужно разрешать им получать российское гражданство	5,3	35,3
Давать, но при соблюдении с их стороны наших законов и культурных норм	78,9	60,3
Нужно давать гражданство	15,8	1,1
Не знаю	0,0	3,3

Требования к мигрантам из стран Центральной Азии.

Несмотря на то, что, восприятие мигрантов как «однозначно чужих» существенно различно (группа «позитивистов» — 10,5 %, «негативисты» — 45,6 %), требования, которые предъявляют представители этих групп к мигрантам сходны прежде всего в отношении знания русского языка (86 % и 61,4 % соответственно). Остальные требования в разы сильнее у «негативистов». Так, например, характерно различие в оценке степени культуры поведения мигрантов: как низкую ее указали 40,1 % носителей негативной информации о мигрантах (3,5 % — позитивной информации). Вызывающее поведение молодых мигрантов отмечается как проблема более чем в два раза выше представителями группы «негативистов» (29 % и 12,3 % соответственно). Более чувствительны представители этой группы и к религиозному фактору. Так, принадлежность мигрантов к определенной конфессии гораздо важнее для них, чем для носителей позитивной информации (14,7 % и 3,5 % соответственно). Самым существенным является тот факт, что носители обеих групп имеют разную результативность адаптированности к присутствию повышенного количества приезжих из стран Центральной Азии. Степень адаптированности носителей положительной информации о мигрантах в разы

выше, чем у носителей отрицательной информации — 70,2 % и 19,9 % соответственно (см. табл. 2.8).

Таблица 2.8 — Степень адаптации к присутствию иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии носителей позитивной и негативной информации, %

Варианты ответов	Имеющие больше положительной информации	Имеющие больше отрицательной информации
Да, я вполне привык(ла)	70,2	19,9
Частично привык(ла), т. к. их присутствие меня иногда напрягает	28,1	52,2
Я совершенно не могу привыкнуть к их присутствию в нашем городе	1,8	25,4
Нет ответа	0,0	2,5

Отметим, что большинство екатеринбуржцев (обе группы) представляют процесс адаптации односторонние, считая, что в первую очередь мигранты сами должны меняться, подстраиваясь под требования принимающего сообщества. Совершенно не готовы менять свои культурные привычки для безболезненного существования с иноэтничными мигрантами на одной территории большинство екатеринбуржцев (56,1 % — «позитивисты», 84,2 % — «негативисты»). Подавляющее большинство представителей группы «носителей позитивной информации» не испытывает неприязни ни к каким иноэтничным группам, в отличие от представителей группы «носителей негативной информации» (75,4 % и 24,6 % соответственно).

Таким образом, наши данные демонстрируют тот факт, что средства массовой информации (как федеральные, так и региональные) оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения об иноэтничных мигрантах. Фактически жители Екатеринбурга не имеют ни возможности, ни мотиваций получать объективную информацию о мигрантах. Культурные барьеры в виде стереотипов, которые также в основном формируются под воздействием СМИ, мешают формированию установок на интеграцию с приезжими. В итоге получается замкнутый круг, движение по которому увеличивает число представителей группы «носители негативной информации». В условиях динамичного притока иноэт-

нических мигрантов из стран Центральной Азии это в значительной степени влияет на адаптивные способности екатеринбуржцев и на формирование общественного мнения о миграции в целом.

В связи со всем вышесказанным можно сделать вывод, что для достижения гармоничных межэтнических взаимоотношений в РФ, а также успешной интеграции мигрантов в принимающее сообщество в процессе формирования общей социальной идентичности необходима, помимо прочего, грамотная информационная политика, как органов государственной власти, так и иных информационных акторов.

2.4. Модель формирования социальной идентичности жителей Екатеринбурга и мигрантов из стран Центральной Азии

Авторами монографии были проанализированы этапы формирования общей социальной идентичности, содержательное наполнение которых разнится у мигрантов и екатеринбуржцев. Появление общей социальной идентичности у иностранных мигрантов и принимающего сообщества — это результат идентификации представителей данных групп в меняющихся социальных условиях, которые заставляют индивида «надстраивать» над базовой этнической идентичностью новые уровни. Идентификация — это включение в новые группы, которые влияют на формирование новой идентичности (по С. Хантингтону).

Принимающее сообщество, неизбежно включаясь в новые группы взаимодействия с мигрантами, движется через этап трансформации от некоего первичного состояния социальной идентичности жителей Екатеринбурга к новому ее состоянию. Причем если у екатеринбуржцев (как и у россиян в целом) прежде всего актуализирована общегражданская идентичность, то у мигрантов актуализирована этническая идентичность. Несовпадение актуальных идентичностей и формальное отношение мигрантов к принятию культурной идентичности территории является серьезной проблемой.

В результате включения в новые группы взаимодействия (профессиональные, культурные, коммуникационные, социальные и др.) мигрирующее сообщество от актуализированной этнической идентичности через присвоение общегражданской (общероссийской) идентичности продвигается к присвоению общекультурной идентичности. Именно в этом процессе складывается общая социальная идентичность мигрирующего и принимающего сообщества, и главная проблема заключается в том, что иноэтничные мигранты не стремятся присваивать общекультурную идентичность территории, оставаясь на этапе присвоения общегражданской идентичности.

И. Б. Бритвиной разработана циклическая модель формирования общей социальной идентичности принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии, которая учитывает виды социальной идентичности, этапы ее формирования и возникающие барьеры (см. рис. 1).

Рис. 1 — Модель формирования социальной идентичности

При построении циклической модели воспроизводства общей социальной идентичности территории мы руководствовались подходом В. Лота, ориентиру-

ющим на формирование многомерной модели идентичности, и идеей многомерной модели интеграции М. Эмерсона, предполагающей разную глубину и акценты интеграции мигрантов в зависимости от целей их пребывания в государстве-реципиенте. Особенно значимой, с нашей точки зрения, является оценка соотношения этнического и общегражданского аспектов идентичности мигрантов и россиян. Этническая идентичность содержит в себе наибольший потенциал социальной напряженности, в связи с чем она должна располагаться, образно говоря, на нижних уровнях структуры идентичности мигранта и россиянина. При этом общегражданская идентичность, в отличие от социальной и культурной, имеет наиболее нейтральный характер, обуславливающий наибольшую легкость ее восприятия как для мигрантов, так и для россиян. В связи с этим в структуре идентичности и тех, и других она должна находиться на самом высоком уровне. Для временных трудовых мигрантов культурная интеграция важна в наименьшей степени, тогда как для мигрантов, претендующих на российское гражданство, она должна быть достаточно глубокой.

Таким образом, сказывается противоречивость воздействия культурных источников идентичности. С одной стороны, признание русской культуры как ведущей в России способствует готовности мигрантов частично или полностью поменять свои культурные привычки. С другой стороны, восприятие России как поликультурной страны может способствовать формированию общей социальной идентичности вопреки субъективно ощущаемой культурной дистанции.

Были проанализированы и источники формирования социальной идентичности (по С. Хантингтону) — группы влияния, в которые включен человек. Под воздействием этих групп могут появляться новые идентичности. В результате миграции источники идентичности меняются, поэтому запускаются процессы появления новых идентичностей и встраивания их в систему самосознания индивида. Формирование общей социальной идентичности мигрантов и жителей принимающей территории — сложный процесс. Если признать необходимость соблюдения нормативно-правовых требований страны приема готово подавляющее большинство мигрантов, то следовать требованиям повседневной культуры поведения

принимающего сообщества — меньше половины. В то время как данные требования (диффузный тип расселения мигрантов, сходство в стиле одежды, поведении, нормах взаимоотношений) могут стать основой формирования общей социальной идентичности. Данные источники формирования общей социальной идентичности по-разному влияют на готовность мигрантов меняться для безопасного проживания на новой территории. Желание остаться жить в России и готовность к диффузному характеру территориального расселения положительно влияют на формирование общей социальной идентичности. Экономические источники формирования социальной идентичности часто являются первичными по отношению к другим, так как получение работы — основная цель миграции у большинства опрошенных мигрантов. Трудовая мотивация миграции и включение мигрантов в новые трудовые группы будут иметь положительное влияние, если помимо взаимодействия в этой сфере мигранты будут активно взаимодействовать с принимающим сообществом в других сферах.

Естественные источники пока не оказывают однозначно положительного влияния в силу несовпадения половозрастных структур двух общностей и малого распространения семейно-родственных отношений между мигрантами и принимающим сообществом. Противоречивость влияния культурных источников заключается в том, что религия (ислам) является мощным фактором поддержания социальной идентичности, однако среди россиян большее распространение имеет православие. У мигрантов, исповедующих ислам, сближение с принимающим сообществом строится только на признании одинаковой роли национальных культур в России. В то же время, как показало исследование, готовы менять свои культурные привычки с большей вероятностью мигранты, признающие роль русской культуры как ведущей.

Для более слаженной работы всех источников формирования социальной идентичности у мигрантов и принимающего сообщества необходимо, чтобы увеличивалось количество групп взаимного влияния, состоящих как из мигрантов, так и из жителей принимающей территории.

3. ОТНОШЕНИЕ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА К ИНОЭТНИЧНЫМ МИГРАНТАМ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

3.1. Отношение к иноэтничным мигрантам жителей Екатеринбурга и роль этнической культуры в интеграции коренных жителей и приезжих

Уровень образования, возраст и профессиональная квалификация являются важнейшими характеристиками человеческого капитала в любой стране. Развитые страны конкурируют между собой в стремлении получить мигрантов, способных ускорить экономическое, политическое и социальное развитие территории. С одной стороны, это помогает решить проблему нехватки рабочих рук и пополнить демографический потенциал страны. Но с другой стороны, рост миграционных потоков приводит к размыванию идентичности жителей территории, что может провоцировать негативные последствия. Внешние мигранты не всегда выбирают стратегию присвоения идентичности принимающей их территории. Выбор мигрантами способа идентификации зависит и от отношения к ним принимающего сообщества. Важную роль играет субъективно воспринимаемая коренными жителями культурная дистанция, которая в свою очередь определяет социальную дистанцию с иноэтничными мигрантами.

Отношение к иноэтничным мигрантам в силу масштабности внешних миграций является очень актуальной проблемой практически для всех стран, отпускающих и принимающих мигрантов. Между толерантной и интолерантной позицией членов принимающего сообщества есть целый ряд позиций, характеризующих это отношение, сущность которых изучена недостаточно. Кроме того, в зависимости от ситуации и от сферы взаимодействия членов мигрирующего и принимающего сообщества эти позиции меняются.

В настоящее время западные теоретики многосторонне исследуют различные аспекты влияния отношения принимающего сообщества на аккультурацию и

натурализацию мигрантов. Г. Вайсман и Б. Ларсен на примере иммигрантов в Швеции показывают, что отношение к мигрантам со стороны местного населения влияет на доходы и в целом на качество жизни переселенцев¹. Опросы в США показали взаимосвязь восприятия местными жителями нелегальных иммигрантов с проблемой ощущения безопасности собственного существования². Такую же взаимосвязь выделил и В. А. Понизовский, анализируя в рамках Европейского социального исследования (ESS) ситуацию в 25 странах³. С. Карлсен и Дж. Назроу, исследуя идентификации ряда этнических меньшинств в Великобритании, выявили проблему влияния социальной изоляции на способность групп этнических и религиозных меньшинств чувствовать себя частью принимающего сообщества. Их вывод сводится к тому, что более актуальной сегодня является проблема последствий маргинализации иноэтничных мигрантов в местных сообществах, чем проблема негативных итогов сохранения ими культурных традиций, т. к. это препятствует взаимной социальной интеграции⁴.

Екатеринбург, население которого в 2016 году превысило 1,5 млн чел., является крупным российским мегаполисом, центром не только Свердловской области, но и Урала в целом. Географическое расположение Екатеринбурга на границе Европы и Азии обусловило повышенный приток мигрантов из стран Центральной Азии. Экономические характеристики города становятся привлекательными для внешних мигрантов и из других стран (Китай, Вьетнам, Турция и др.) в силу того, что Екатеринбург нуждается в рабочих кадрах в строительстве, транспорте, промышленности, обслуживании. Также город притягивает приезжих и с точки зрения предоставления качественных образовательных услуг, располагая более чем 30 вузами.

Трудовая и образовательная внешняя миграция дают в сумме существенный ежегодный приток иноэтничных мигрантов, большинство которых прибывает из

¹ См.: Waisman G., Larsen B. Income, Amenities and Negative Attitudes // *IZA Journal of Migration*. 2016. Vol. 5. No. 8. P. 1–32.

² См.: Simpson J.J., Simpson P.M., Cruz-Milan O. Attitude towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists // *Tourism Management*. 2016. Vol. 57. P. 373–386.

³ См.: Karlson S., Nazroo J.Y. Ethnic and Religious Differences in the Attitudes of People Towards Being “British” // *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63. No. 4. P. 759–781.

⁴ См.: Ponzovskiy V. A. Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13. № 2. С. 256–272.

стран Центральной Азии. Так, по данным Управления федеральной миграционной службы по Свердловской области, в 2014 году по объемам привлечения иностранной рабочей силы область находилась на седьмом месте в Российской Федерации и на третьем месте в Уральском федеральном округе. В самом же Екатеринбурге оседает до 90 % мигрантов, въезжающих в Свердловскую область.

Не может не волновать тенденция изменения этнического состава жителей Среднего Урала. По данным А. Н. Старостина, за межпереписной период с 1989 по 2010 гг. на территории Свердловской области в 4,4 раза увеличилась группа народов Восточной Азии, более чем в два раза — группа народов Центральной Азии и группа народов Закавказья, в 1,2 раза — народов Северного Кавказа; и, напротив, сократилась численность славянских, финно-угорских народов, а также татар и башкир¹. Однако культурная идентичность приезжих из стран Средней Азии, составляющих большинство потока внешних мигрантов, не совпадает с идентичностью местного населения и размывает ее. Эти процессы обостренно воспринимаются коренными жителями.

Осуществленные нами в 2014 года опросы жителей Екатеринбурга и г. Берёзовского (Свердловская область) были направлены на изучение значимых для горожан условий и обстоятельств жизни². Так, жители мегаполиса продемонстрировали свою чувствительность к наличию значительного количества внешних мигрантов. Подавляющее большинство опрошенных на 3–5 баллов оценили важность для них этой проблемы (65 % респондентов). Лишь 8,9 % опрошенных екатеринбуржцев ответили, что лично для них эта проблема совершенно незначима. Кроме того, 53,5 % респондентов считают, что рост числа гастарбайтеров обостряет и многие другие проблемы. Город Берёзовский, несмотря на иные цивилизационно-урбанистические показатели, демонстрирует ту же тенденцию (61 % опрошенных).

¹См.: Старостин А. Н. Интеграционный потенциал Среднего Урала: риски, тенденции и перспективы // Проблемы соблюдения прав человека в условиях массовой трудовой миграции: спец. доклад. Екатеринбург, 2013. С. 35–59.

²См.: Бритвина И. Б., Бритвин А. М. Миграции: стратегии выживания или завоевания? // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Междуна. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. Т. 1. С. 179–183.

Таким образом, анализ полученных данных показывает, что как в крупных, так и в малых городах Урала чувствительность населения к присутствию значительного количества приезжих из других стран значительна. И, как результат, можно предположить, что прирост мигрантов будет служить основой усиления интолерантности уральцев, что осложнит процесс формирования российской идентичности у приезжих, не говоря уже о сложностях вычленения общих идентификационных характеристик жителей территории.

Непонимание смысла роста масштабов и последствий миграции из других стран выразили жители Екатеринбурга, задавая вопросы избранному в 2013 году мэру Евгению Ройзману (сбор вопросов был организован редакцией интернет-портала «Е1»). Ройзману задали 1695 вопросов. По тематике иноэтничной миграции было сделано 80 обращений, содержащих 116 вопросов. Мы подсчитали, что более трети вопросов были заданы женщинами (34,6 %), две трети — мужчинами. Почти половина вопросов касается проблем незаконной миграции на территории Екатеринбурга (46 %). Людей интересует, какие меры будут приниматься в городе по борьбе с незаконной миграцией, когда эти меры вступят в силу, станет ли в Екатеринбурге меньше мигрантов и как сам мэр относится к этой проблеме. Пятая часть вопросов отражает страхи местных жителей, связанные с присутствием иноэтничных мигрантов (19 %). Эти вопросы задавали в основном женщины. Они писали, что «боятся выпускать детей на улицу по причине насыщения дворов туристами из Азии», что «мигранты часто попадают на глаза в алкогольном опьянении». Екатеринбургцы считают, что мигрантов в городе стало столько, что «кажется, что напала орда». Также вопросы отражают опасения по поводу поездок на общественном транспорте, потому что большинство водителей маршрутных автобусов — это иноэтничные мигранты из Азии. Жителей города среди прочего раздражает то, что «в женских консультациях беременных иностранок больше, чем русских»; что екатеринбуржцы не могут получить путевку в детский сад, в то время как «мигранты вводят туда детей без проблем». Во многих вопросах отмечен тот факт, что екатеринбуржцы не чувствуют себя безопасно в родном городе из-за мигрантов: 12 % вопросов отражает беспокойство по поводу их асоци-

ального поведения. Жители города считают, что из-за приезжих резко увеличилось количество преступлений. Кроме того, их беспокоит, что нелегалы не оплачивают налоги, коммунальные платежи, занимаются незаконным извозом. Было отмечено, что мигранты «плюют на наш закон, не уважают наши правила, ответственны и тех, кто их придумал».

Затронута и проблема межкультурной коммуникации: 14 % вопросов содержат жалобы на плохое знание мигрантами русского языка. Часть жителей Екатеринбурга (9 %) волнуют проблемы культуры приезжих. Мигранты громко ругаются, нецензурно выражаются, распивают спиртные напитки, в транспорте хамят пассажирам. К этой группе проблем относится и раздражение коренных жителей от факта самого присутствия инокультурных групп в общественных местах¹.

Анализ показывает, что проблема мигрантофобии обостряется по мере нарастания количества иноэтничных мигрантов. И хотя официальная статистика не дает оснований для некоторых страхов, связанных с присутствием мигрантов, но все же мнение россиян, наряду с объективными факторами, может являться катализатором распространения мигрантофобии в России. Общим фоном усиления подобных настроений является нарастание неопределенности социальной системы из-за многомиллионного притока иностранных граждан, имеющих непонятный социальный статус, что меняет привычные правила, нормы деловых и бытовых взаимоотношений, заставляет коренное население приспосабливаться к быстрым изменениям.

В качестве эмпирической основы монографии в вопросе отношения жителей Екатеринбурга к иноэтничным мигрантам авторы используют данные двух социологических исследований, проведенных под руководством И. Б. Бритвиной в 2016 году методом опроса (анкетный опрос и стандартизированное интервью) представителей принимающей стороны (жителей Екатеринбурга, N = 485) и иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии (N = 231), живущих в Екатеринбурге.

¹ См.: Бритвин А. М., Бритвина И. Б., Старостова Л. Э. Интегративная модель бренда российского города: региональный аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 73–75.

Результаты исследования показывают, что жители Екатеринбурга отмечают рост числа мигрантов из стран Центральной Азии и обеспокоены этим. Их обеспокоенность связана с тем, что данные этнические группы для них культурно и социально «чужие», что зафиксировано через отсутствие у респондентов знакомства с культурными особенностями данных национальных групп. Сложившуюся ситуацию поддерживает информация негативного характера о мигрантах, транслируемая средствами массовой информации.

Половина опрошенных критически относится к тому, что Россия постоянно принимает нерусских мигрантов из стран Центральной Азии (51,3 %). 60,2 % проявили негативное отношение к росту числа мигрантов в Екатеринбурге. На это влияет тот факт, что россияне не понимают целесообразности приема такого большого количества приезжих из Центральной Азии: более половины опрошенных в Екатеринбурге (56,3 %) считают, что рост числа мигрантов — это проблема, которая обостряет многие другие городские проблемы; подавляющее число респондентов (70,9 %) ничего не знают о культурных особенностях мигрантов из стран Центральной Азии, а более половины опрошенных (56,3 %) имеют о них больше отрицательной информации, чем положительной. Из вышеприведенных данных вполне очевидно, что респонденты слабо настроены на интеграцию с приезжими. Подавляющее большинство опрошенных жителей Екатеринбурга не готовы менять свои культурные привычки ради безопасного сосуществования с иноэтничными мигрантами (75 %), т. е. они ждут видимых изменений со стороны приезжих. Это актуализировано в перечне требований со стороны принимающего сообщества, среди которых преобладают запросы, связанные с безопасностью и культурой: соблюдение российских законов (67,7 %), знание русского языка (63,6 %), следование культурным нормам нашей страны (63,6 %), причем позиции мужчин и женщин практически не отличаются (см. табл. 3.1).

Но и при выполнении этих условий лишь треть опрошенных (30,7 %) готовы считать приезжих из этих стран «своими», при этом более трети однозначно считают их «чужими» (33,4 %), остальные затруднились ответить на этот вопрос, что также наталкивает на размышления. Менее половины респондентов лишь частич-

но привыкли к присутствию мигрантов из стран Центральной Азии, т. к. эта ситуация их «напрягает» (48,6 %), причем пятая часть опрошенных совершенно не могут привыкнуть к присутствию мигрантов в Екатеринбурге (19,7 %).

Таблица 3.1 — Требования к нерусским мигрантам
из стран Центральной Азии, % *

Перечень требований	Пол		
	Мужской	Женский	В целом
Соблюдать наши законы	69,1	66,4	67,7
Знание русского языка	65,0	62,5	63,6
Соблюдать культурные нормы, принятые в России	62,3	64,8	63,6
В общественных местах говорить только на русском языке	29,5	29,2	29,4
Молодежь из этих стран в России не должна вести себя вызывающе	27,3	27,3	27,3
Не создавать при расселении «этнические кварталы»	22,3	19,4	20,7
Не претендовать на рабочие и учебные места, которые могли бы занять россияне	13,6	23,3	18,8
Не требовать особых условий для соблюдения своих религиозных обрядов	15,5	19,0	17,3
Не демонстрировать свои культурные отличия в одежде, поведении, обычаях	15,0	12,3	13,5
Другие требования	2,3	2,0	2,1
Не знаю	2,7	1,6	2,1
Нет ответа	0,5	0,0	0,2

* Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

Можно видеть, что среди мужчин и женщин практически одинаковы доли тех, кто «вполне приспособился» к присутствию мигрантов, однако среди женщин (52,6 %) больше тех, кто привык частично, а среди мужчин (24,1 %) — больше тех, кто не может примириться с присутствием иноэтнических мигрантов (см. табл. 3.2).

Фактор осознания своей национальности, наоборот, негативно влияет на степень благоприятности отношения к мигрантам. Те жители города, кто полностью согласен с суждением «я постоянно помню о своей национальности», в большей

степени отрицательно относятся к постоянному приему Россией мигрантов из Центральной Азии, росту их числа в Екатеринбурге, предоставлению им гражданства. Отношения личной дружбы с приезжими здесь реже считаются допустимыми. Для каждого второго респондента данной категории мигранты из Центральной Азии, даже прожив в России несколько лет, все равно останутся «чужими». Среди тех, кто не согласился с точкой зрения, что постоянно помнит о своей национальности, мигранты являются «чужими» лишь для 5 % опрошенных. В этой группе больше тех, кто привык к присутствию в городе большого числа мигрантов из Центральной Азии. Такое мнение встречается здесь почти в три раза чаще, чем среди тех, кто постоянно помнит о своей национальности.

Таблица 3.2 — Степень привыкания к присутствию большого числа мигрантов из стран Центральной Азии в группах мужчин и женщин, %

Вариант ответа	Пол		
	Мужской	Женский	В целом
Да, я вполне привык(ла)	29,5	30,0	29,8
Частично привык(ла)	44,1	52,6	48,6
Я совершенно не могу привыкнуть к их присутствию в городе	24,1	15,8	19,7
Нет ответа	2,3	1,6	1,9
Итого:	100,0	100,0	100,0

Нужно особо отметить, что степень согласия с суждением «я постоянно помню о своей национальности» положительно коррелирует с наличием неприязни к некоторым национальностям. Это может указывать на наличие у некоторых групп опрошенных национального предубеждения, становящегося фактором негативного отношения к мигрантам. Кроме того, важно сказать, что установка «постоянно помнить о своей национальности» свидетельствует об активной солидаризации по этническому признаку, т. е. она является элементом сильной этнической идентичности.

На материалах нашего исследования выяснилось, что социально-демографические характеристики респондентов не влияют на их отношение к иноэтничным мигрантам. Более значимое влияние оказывают отношение жителей

Екатеринбурга к собственной национальности и культуре и наличие опыта взаимодействия с мигрантами.

По сравнению с екатеринбуржцами большее число мигрантов готовы полностью или частично менять свои культурные привычки, чтобы обеспечить комфортное и безопасное сосуществование на территории Екатеринбурга (47,2 % и 12,4 % соответственно). С одной стороны, это понятно, так как они приняли решение приехать в другую страну на длительный срок и заранее обдумывали свои стратегии адаптации. С другой стороны, более половины мигрантов не дают ответа на этот вопрос или заявляют о своей неготовности изменить свои культурные привычки. И это демонстрирует возможную основу будущей межэтнической напряженности. В качестве подтверждения можно привести тот факт, что мнение о месте русской культуры среди национальных культур России оказывает статистически значимое влияние на готовность мигрантов менять свои культурные привычки ради безопасной жизни в Екатеринбурге. Так, среди тех, кто считает, что русская культура должна занимать ведущее место в России, больше респондентов, готовых кардинально или частично поменять свои культурные привычки, по сравнению с теми, кто думает иначе (66 % и 48,6 % соответственно).

Авторы отдельно анализировали отношение к иноэтничным мигрантам и роль этнической культуры в интеграции коренных и приезжих с точки зрения молодежи.

Проблемам интолерантности молодежи и ее отношению к внешним мигрантам посвящен ряд работ российских авторов. Так, подробный обзор социальных проблем и настроений российской молодежи дан М. К. Горшковым и Ф. Э. Шереги¹. Авторы на материалах исследования 2009 года делают вывод, что подавляющее большинство молодежи проявляет симпатию к различным этносам (72 %) и менее трети опрошенных (28 %) являются этнически «апатичными». В целом, авторы, сравнивая данные 2009 года с опросами 1990-х гг., приходят к выводу, что российской молодежи в меньшей степени присуща ксенофобия по сравнению со старшими поколениями². Такие же результаты были зафиксированы в Европей-

¹ См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет [Электронный ресурс] / 2-е изд., доп. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с. 1 CD ROM.

² См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. С. 207–209.

ском социальном исследовании (Проект ESS-Россия, 2006 г.). Мнение «можно позволить людям, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения, переезжать жить в страну», встречалось у российской молодежи чаще, чем в других возрастных группах (78 % против 68 %). Л. М. Дробижева отмечает, что такая же тенденция была выявлена и в г. Екатеринбурге¹. Диагностика толерантности молодежи Екатеринбурга в 2015 г. позволяет утверждать, что большинство молодых людей положительно относятся к представителям других рас и национальностей, готовы признавать и принимать их культуру, но не допускают их присутствия в своем близком окружении². Результаты опроса молодежи 2008 года в Центральном федеральном округе РФ (N = 3 000) свидетельствуют о том, что причины экстремизма и ксенофобии кроются в особенностях социального, социокультурного, политического статуса молодежи, которые отражаются на характере этнического сознания и поведения молодого поколения в сфере национальных отношений. Абсолютное большинство молодежи, по данным этого опроса, выступает за жесткое регулирование внешней миграции³.

Проблемам этнической культуры молодежи также посвящен ряд работ. Так, например, Е. А. Ходжаева и Е. А. Шумилова изучали влияние религиозности молодежи Татарстана на интенсивность проявления ее этнической культуры⁴, проблематика установок молодежи на интеграцию с другими этническими группами нашла отражение в работе, написанной на материалах исследований в Якутии⁵.

В целом все работы делятся на две группы. В одной доказывается повышенная интолерантность молодежи к представителям других этносов, которая проистекает из возрастного эгоцентризма. В другой, напротив, речь идет о большей гибко-

¹ См.: Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58. С. 54.

² См.: Козыра Д. Н., Садовникова Н. О. Толерантность современной молодежи: этнический и социальный аспекты // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2016. Т. 11. С. 1951–1955. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86417.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

³ См.: Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. 2011. Т. XX. № 1. С. 74–87.

⁴ См.: Ходжаева Е. А., Шумилова Е. А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 106–108.

⁵ См.: Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 108–115.

сти молодежи в силу неполного осознания проблем присутствия иноэтничных мигрантов или из-за апатичности к другим этногруппам.

В контексте такого противоречивого понимания роли молодежи в формировании общей социальной идентичности с мигрантами, авторам представилось целесообразным выделить данную группу среди опрошенных респондентов и проанализировать ее отдельно. В составе респондентов уже описанных выше исследований присутствовали 230 горожан в возрасте 16–29 лет (анкетный опрос жителей Екатеринбурга 2016 г., N = 485). Наряду с этими данными, авторы использовали результаты анкетного опроса 205 молодых жителей г. Нижневартовска в возрасте от 14 до 29 лет (ноябрь 2015 г.) Тематика опроса в целом касалась оценки уровня межэтнической толерантности. Город Нижневартовск был выбран для сравнения с Екатеринбургом, так как обладает другими социально-экономическими характеристиками, в этом случае выявление общих тенденций показало бы наличие одинаковых характеристик по изучаемому вопросу для разных территориальных образований¹.

Город Нижневартовск входит в состав Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО) — одного из субъектов Российской Федерации, отличающегося этническим многообразием. В Нижневартовске проживают представители 111 национальностей: русские (63,6 %), татары (7,1 %), башкиры, белорусы, азербайджанцы, ханты (более 1 % каждой национальности) и др. Экономические и политические изменения на постсоветском пространстве способствовали притоку в город представителей кавказских и среднеазиатских этнических групп, наблюдается и приток украинцев. Екатеринбург также является полиэтническим городом, но русские пропорционально представлены в большей доле, чем в Нижневартовске (согласно статистическим данным, русское население Свердловской области составляет 85,7 %).

В условиях современного российского города этническая культура соединена с рядом других культурных ориентаций в сложную систему: она тесно переплета-

¹ См.: Бритвина И. Б., Савчук Г. А., Бритвин А. М., Жбанкова С. А. Этническая культура как фактор интеграции жителей полиэтничной территории // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 4 (156). С. 203–211.

ется с «массовой» и «городской» культурами, культурами отдельных городских сообществ. Доминирование в повседневной жизни связанных с ней поведенческих практик может служить индикатором преобладания той или иной культурной идентификации в сознании молодого человека. Поэтому важно проследить насколько характерно проявление этнической культуры в молодежной среде на следующих уровнях: 1) повседневного поведения; 2) мнений и взглядов; 3) установок. 90,3 % опрошенной молодежи в Екатеринбурге и 61,5 % в Нижневартовске назвали себя русскими на основании самокатегоризации. Это примерно соответствует этническому составу указанных территориальных образований. Важно подчеркнуть, что большинство молодых людей в Екатеринбурге полностью или частично согласны с утверждением «я постоянно помню о своей национальности» (71,6 %). Проанализируем, как эта самоидентификация отражается в повседневном поведении. Учитывая, что в Нижневартовске почти 40 % молодежи относят себя к нерусским этническим группам, целесообразно представить данные раздельно. По Екатеринбургу такой необходимости нет, т. к. подавляющее большинство считает себя русскими (см. табл. 3.3).

Из представленных данных, очевидно, что, несмотря на различия городов, проявление этнической культуры в поведенческих повседневных практиках у молодежи практически одинаково. Русская молодежь, которая реализует в своем поведении элементы этнической культуры, составляет около 40 %. Выражается это, в первую очередь, в традиции отмечать главные религиозные праздники, умении готовить национальные блюда и в участии в гуляниях по поводу национальных праздников. Среди различий можно назвать более высокий интерес к национальной литературе в Екатеринбурге, а также выделить более активное поведение в сфере, связанной с этнической культурой, у нерусской молодежи из Нижневартовска (особенно это очевидно в отношении религии). Для характеристики реализации этнической культуры в повседневном поведении молодежи важно обратить внимание на тот факт, что почти треть молодежи, которая отнесла себя к русским, никак не проявляет этническую культуру в поведенческих практиках.

Таблица 3.3 — Национальные традиции, которые соблюдают молодые жители
Нижевартовска и Екатеринбурга, % *

Варианты ответа	Нижевартовск			Екатеринбург (в целом)
	В целом	Русские	Нерус- ские	
Отмечаю главные религиоз- ные праздники	46,8	39,7	63,5	39,6
Умею готовить национальные блюда	38,0	31,7	50,8	35,2
Посещаю гуляния по случаю национальных праздников	29,3	26,2	36,5	31,7
Интересуюсь литературой на национальном языке	20,5	21,4	20,6	31,7
Регулярно бываю в храме, мечети	17,6	11,9	28,6	9,6
Стараюсь придерживаться национального стиля в одежде	4,9	3,2	6,3	4,8
Другое	2,0	1,6	3,2	1,3
Затрудняюсь ответить	24,9	29,4	15,9	29,1
Нет ответа	1,5	1,6	1,6	0,4

* Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

Следующий уровень проявления этнической культуры — это система мнений и взглядов. Большинство респондентов в обоих городах указывают, что с уважением относятся к русским национальным традициям, русской культуре и считают, что она должна занимать ведущее место в России (68,3 % в Нижевартовске и 72,6 % в Екатеринбурге). Если проанализировать данные по Нижевартовску отдельно, то такое распределение ответов характерно и для русской молодежи, и для молодежи из других этнических групп, но обращает на себя внимание, что среди представителей других этнических групп безразличное отношение к русской культуре усиливается, особенно это характерно для мужчин в возрасте 14–19 лет. Мнение об ущемленности интересов «своей» национальной группы, несмотря на разницу этнических характеристик респондентов, практически не отличается в двух городах, хотя в целом большинство не указывает на напряженность в этом отношении (табл. 3.4).

Таблица 3.4 — Мнение об ущемленности интересов собственной национальной группы молодых жителей Нижневартовска и Екатеринбурга, %

Варианты ответа	Нижневартовск (все)	Екатеринбург (все)
Нет, не считаю, что ущемлены	59,5	64,8
Да, я так считаю	13,7	10,9
Затрудняюсь ответить	24,9	21,3
Нет ответа	2,0	3,0

Акцентуация на своей этнической принадлежности, националистические настроения — эти мнения и взгляды также формируются под воздействием этнической культуры, но связаны, скорее, с недостаточной социальной зрелостью, отсутствием понимания, что собственная этническая культура может успешно развиваться и во взаимодействии с другими культурами.

В целом, примерно половина молодежи (в Екатеринбурге — около 50 %, в Нижневартовске — 40 %) отрицательно относится к националистическим организациям (см. табл. 3.5). Вместе с тем, положительное отношение к националистическим организациям высказало 18,6 % респондентов в Нижневартовске, в Екатеринбурге — 4 %. Такая ситуация обусловлена тем фактом, что в составе респондентов из Нижневартовска представлена *большая* доля молодежи 14–19 лет по сравнению с Екатеринбургом. Именно этот слой молодежи, как показал наш анализ, составляет группу риска в отношении межэтнической толерантности в Нижневартовске и является носителем экстремистских настроений в силу возраста и невысокого уровня образования. Анализ двух групп наблюдения, выделенных по возрасту, показывает, что группа возраста 14–19 лет демонстрирует более не толерантное отношение к нетитульным этническим группам по сравнению с группой молодёжи 25–29 лет. По данным опроса молодежи в пяти регионах Центрального федерального округа, именно эта возрастная группа имеет повышенный уровень экстремистских настроений¹.

¹ Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодолений // Мир России. 2011. Т. XX. № 1. С. 74–87.

Таблица 3.5 — Отношение к националистическим организациям со стороны молодых жителей Нижневартовска и Екатеринбурга, %

Варианты ответа	Нижневартовск	Екатеринбург
Положительно	9,8	1,8
Скорее положительно	8,8	2,2
Равнодушно	26,8	18,9
Скорее отрицательно	13,7	25,9
Отрицательно	26,3	24,1
Затрудняюсь ответить (не знаю)	13,7	27,2
Нет ответа	1,0	0,0

Третий уровень проявлений этнической культуры — это установки. В контексте изучаемого вопроса нам было интересно проанализировать установки в отношении возможной интеграции собственной этнической культуры с другими культурами. Полученные результаты косвенно свидетельствуют о недостаточности ориентации молодежи на интеграцию с другими национальными культурами.

Стремление к интеграции представителей различных этнических групп во многом связано с отношениями между ними, т. к. отрицательное отношение свидетельствует об отсутствии установок на сближение. Опрошенные молодые жители Нижневартовска проявили негативное отношение прежде всего к представителям Чечни, Ингушетии и Дагестана («отрицательно» и «скорее отрицательно» — 27,3 %); к представителям Средней Азии (киргизы, таджики, узбеки, казахи) — 22,9 %; к представителям Кавказа (грузины, азербайджанцы, армяне) — 21,5 %. Эти данные, с одной стороны, отражают настроения молодых россиян в целом, а с другой стороны, показывают специфичность ситуации в городе, в котором исторически доля представленности русских является меньшей, чем по России в целом. И фактически к «коренному» населению (основателям города в XX веке) принадлежит значительная доля нерусских, которые также проявляют негативное отношение к приезжим. В целом три четверти молодых респондентов Нижневартовска определили свое отношение к приезжим из бывших республик СССР как равнодушное или негативное. И только четверть молодежи настроена позитивно, т. е. имеет установки на сближение с мигрантами.

О наличии установок на сближение свидетельствует и та социальная дистанция, которую молодые жители Нижневартовска устанавливают между собой и другими этническими группами. Точками наибольшего сближения на данной шкале считаются дружеские и брачные связи. Молодежь Нижневартовска устанавливает для себя довольно близкую социальную дистанцию с представителями других национальностей: так, 76,6 % респондентов ответили, что при выборе друзей никогда не придают значения их национальности. 20 % респондентов указали, что предпочитают дружить с людьми своей национальности. 50,2 % респондентов допускают для себя возможным вступить в брак с представителем другой национальности (кроме того, 2,9 % — уже состоит в таком браке), 26,8 % — исключают для себя такую возможность. Эти данные коррелируются с результатами общероссийских и региональных опросов молодежи России. Отметим, что к наибольшему сближению с представителями других национальностей готовы прежде всего представители молодежи 25–29 лет, а более молодые респонденты — в меньшей степени. Так, предпочитают иметь дружеские связи прежде всего с людьми своей национальности треть 14–19-летних (33,8 %) и 6,6 % 25–29-летних.

В результате можно сделать вывод, что исторически сложившаяся полиэтничная ситуация в Нижневартовске, с одной стороны, способствует формированию устойчивых социальных привычек и установок на интеграцию с другими этносами, но, с другой стороны, содержит постоянный конфликтогенный фон, который не только объединяет местную молодежь против мигрантов, но и обостряет застарелые конфликты между давно живущими в городе этносами.

Ситуация в Екатеринбурге несколько иная. Город в первые десятилетия XXI века из довольно моноэтнического превратился в полиэтничный, причем с доминированием среди приезжих представителей стран Центральной Азии, культурно чуждых в первую очередь молодым екатеринбуржцам, не имеющим «советского» опыта интеграции. Данные опроса показали, что в Екатеринбурге доля тех, кто отметил отсутствие неприязни к представителям других национальностей, по сравнению с Нижневартовском, существенно меньше (37,8 % и 50,2 % соответственно). Кроме того, лишь треть молодых екатеринбуржцев считают, что вполне

привыкли к присутствию большого числа представителей титульных этносов стран Центральной Азии. Половина опрошенных привыкли лишь частично, а 17,4 % респондентов совершенно не могут привыкнуть к этому факту. Более половины молодых екатеринбуржцев (54,8 %) отрицательно относятся к тому, что город принимает таких мигрантов. 53,9 % опрошенных отмечают, что присутствие мигрантов — это проблема, которая обостряет другие городские проблемы.

Молодые екатеринбуржцы в перечне нежелательных этнических групп из стран Центральной Азии выделяют прежде всего таджиков и узбеков (8,3 % и 2,6 % соответственно). В перечне требований к мигрантам из этих стран молодежь Екатеринбурга на первые места и с большим отрывом выставляет соблюдение «наших» культурных норм и российских законов (по 67,4 %) и знание русского языка (66,5 %). Соответственно, более трети молодых людей Екатеринбурга, считают мигрантов из стран Центральной Азии «чужими», несмотря на факт их проживания в России в течение нескольких лет. Только четверть опрошенных согласны считать мигрантов «своими». Такое культурное неприятие приезжих из этих стран имеет своим следствием тот факт, что подавляющее большинство опрошенных молодых людей не согласны менять свои культурные привычки ради безопасного сосуществования с мигрантами (75,7 %), т. е. их установка на интеграцию с приезжими имеет односторонний характер (за счет изменений самих мигрантов). Характер и интенсивность контактов с мигрантами из этих стран также не способствует интеграции. Более четверти молодых респондентов из Екатеринбурга сами практически не контактируют с представителями этих этносов (26,4 %). Три четверти молодых людей контактируют с приезжими из стран Центральной Азии эпизодически и вынужденно.

Кроме этого, причины нежелания интегрироваться с приезжими могут быть связаны с воздействием средств массовой информации, которые в первую очередь информируют екатеринбуржцев о негативных событиях в миграционном поле. В следствие этого, большинство представителей молодежи Екатеринбурга имеют больше отрицательной информации о мигрантах (59,6 %). Положительной информацией обладает только десятая часть респондентов. Факт такого влияния под-

тверждают и данные других исследований. Так, украинские ученые пишут, что наивысший показатель недружелюбного отношения к другим этносам (28,7 %) у молодежи сложился не на основании собственного опыта, а из сообщений в СМИ¹. Об установках на интеграцию с мигрантами свидетельствует и стремление оказывать им помощь. Большинство молодых екатеринбуржцев пояснили, что не имеют возможности, либо не считают нужным оказывать помощь приезжим из стран Центральной Азии (60,4 %). Треть респондентов указали, что готовы оказывать помощь в поиске нужной информации, а 17,4 % — в адаптации к новым условиям жизни, каждый десятый — помочь продуктами, одеждой, предметами быта. Реально среди опрошенной молодежи уже оказывали помощь мигрантам 18,3 %, не оказывало такой помощи большинство респондентов (59,6 %).

Сравнительный анализ мнения молодых нижевартовцев и екатеринбуржцев показывает, что в целом результаты опроса в этих двух городах очень похожи. Однако большая доля русских и цивилизационные характеристики Екатеринбурга влияют на некоторые отличия в мнении респондентов. Степень приверженности к национальным традициям среди молодежи Екатеринбурга и Нижневартовска характеризуется как «средняя». Скорее всего, в молодежной среде доминируют другие виды культур: например, массовая культура. Нерусские представители молодежи проявляют более высокую степень приверженности к национальным традициям. Этническая культура в среде молодежи не является преобладающей в формировании ценностей, взглядов, мнений и установок. В соответствии с нашими предположениями о роли «сильной» этнической идентичности в отношении к мигрантам и в стремлении к интеграции с ними, можно сделать вывод, что степень соблюдения национальных традиций не является базовым фактором формирования отношения к ним. В этом отношении преобладают социальные факторы, которые формируют установки на интеграцию с приезжими. Кроме того, положительное отношение к собственной национальной культуре в большей степени проявляется в виде стереотипных мнений и взглядов, а на поведенческом уровне

¹ См.: Афанасьева Л. В., Букреева И. В., Глинская Л. Ф., Орлов А. В. Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального политкультурного социума // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 52–58.

— гораздо слабее. Это несоответствие между установками и реальным поведением (парадокс Лапьера) проявляется в отношении к мигрантам как в положительном, так и в отрицательном смысле. Очевидно, что не столько национальная принадлежность и следование культурным традициям, сколько мнение о мигрантах, сформированное средствами массовой информации, обуславливает отсутствие стремления к интеграции с приезжими. Представители молодежи в обоих городах считают, что в первую очередь мигранты сами должны меняться, подстраиваясь под требования принимающего сообщества.

Большинство молодежи демонстрирует довольно высокий уровень общей толерантности к представителям других этнических культур и готовность устанавливать близкую социальную дистанцию. Однако это можно интерпретировать и как умозрительные рассуждения, потому что высказанные мнения не оказывают влияния на поведенческие практики, а опыт постоянного и конструктивного взаимодействия с представителями других культур у молодежи отсутствует. Отношение молодежи к представителям других этнических культур может быстро измениться в процессе приобретаемого опыта или в зависимости от изменений социального контекста. Часто высказываемые мнения не определяют реального поведения и не становятся поведенческими установками. Кроме того, пятая часть молодежи в обоих городах настроена на конфликт, на безоговорочное неприятие иноэтничных мигрантов и фактически не имеет ни мотивации, ни установок на интеграцию с ними.

В этом параграфе было рассмотрено отношение екатеринбуржцев к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии. Выявлено, что жителей города беспокоит проблема увеличения числа иноэтничных мигрантов, по отношению к которым они ощущают удаленную социальную дистанцию, связанную с культурными различиями. Отношение молодежи к этому вопросу соответствует отношению респондентов в целом, степень приверженности к национальным традициям среди молодежи характеризуется как «средняя», установки на интеграцию с приезжими формируются скорее под воздействием социальных факторов. Несмотря на то, что на уровне повседневного поведения екатеринбуржцами демонстрирует-

ся «средняя» приверженность к национальным традициям, отношение к собственной национальности и культуре и наличие опыта взаимодействия с мигрантами обуславливают стремление или его отсутствие к интеграции с приезжими. Представители молодежи, как и жители Екатеринбурга в целом, считают, что в первую очередь мигранты сами должны меняться, подстраиваясь под требования принимающего сообщества.

3.2. Типология отношения к иноэтничным мигрантам

Россия всегда была полиэтничной страной, однако процессы нарастания потоков иноэтничных мигрантов в начале XXI века особым образом актуализировали проблематику отношения местного населения к иноэтничным мигрантам.

На основе кластерного анализа (методика и анализ Е. Л. Могильчак) была разработана типология отношения жителей Екатеринбурга к мигрантам: «непримиримые»; «действенные благожелатели»; «противоречивые»; «равнодушные»¹. Отметим, что максимальная доля населения (34,9 %) относится к первому кластеру — группе с выраженным отрицательным отношением к мигрантам. Минимальный процент жителей Екатеринбурга (15,1 %) входит в кластер, характеризующийся благожелательным отношением к приезжим, что проявляется не только на уровне мнений и диспозиций, но и в поведении респондентов. Кластер с противоречивым отношением к мигрантам и кластер «равнодушных» составляют в общей сложности около половины опрошенных, обе категории численно примерно равны, т. е. распределение населения по кластерам является хотя и не полностью равномерным, но, тем не менее, значительно дифференцированным.

Опишем особенности полученных классификационных групп.

Первый кластер — «непримиримые» (169 чел. — 34,9 %).

¹ См.: Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 114–134.

Характеризуется ярко выраженным критическим отношением к мигрантам (как на личностном уровне, так и на уровне признания миграции как социального процесса). Для данной группы характерно негативное отношение к принятию мигрантов и росту их численности в городе, восприятие миграции как проблемы, обостряющей другие проблемы горожан: так, к росту в Екатеринбурге числа мигрантов отрицательно относится 99,4 %, к их постоянному приему — 93 % от численности данной классификационной группы. Рост числа мигрантов из Центральной Азии в 86 % случаев считается проблемой, которая обостряет другие проблемы. «Непримиримые» гораздо реже, чем респонденты других кластеров, считают, что мигрантов, проживших в стране несколько лет, можно считать «своими». Их отношение к предоставлению гражданства является неблагоприятным значительно чаще, чем в других кластерах. Почти половина опрошенных считают помощь мигрантам ненужной, указывают меньшее число обстоятельств нарастания «похожести» местных жителей и приезжих. Для данной группы характерна большая социальная дистанция со всеми лицами нерусского населения стран Центральной Азии — таджиками, киргизами, узбеками, казахами, туркменами. Так, личная дружба с ними оценивается как приемлемая всего в 14 % случаев, лишь каждый пятый опрошенный готов принять их в качестве коллег по работе (см. табл. 3.6). Это соответствует реальной картине общения данной категории респондентов: друзья, являющиеся выходцами из Центральной Азии, встречаются в кругу общения «непримиримых» в 2,4 % случаев, коллеги по работе — в 8,5 %. Для указанного кластера свойственно максимально развитое осознание своей национальности и необходимости ведущей роли русской культуры, приверженность православной вере. Это сопровождается более частым неприязненным отношением к представителям некоторых наций, высокой социальной дистанцией с приезжими из Центральной Азии. Мало зная о культурных особенностях мигрантов, «непримиримые» оценивают их уровень культуры как низкий, чаще других считают, что станет лучше, если мигранты не будут сохранять свою культуру, а растворятся в российской. Респонденты данной группы зачастую получают отри-

цательную, а не положительную информацию о мигрантах, которая поступает к ним не из личных контактов, а, как правило, из средств массовой коммуникации.

Таблица 3.6 — Показатели отношения к нерусским мигрантам из Центральной Азии в кластерах (% от числа опрошенных в каждом кластере)

Показатели отношения к мигрантам	Кластеры			
	«Непри-мири-мые»	«Действенные благожелатели»	«Противо-речивые»	«Равно-душные»
Относится положи-тельно к тому, что Россия постоянно принимает нерусских мигрантов	0,6	52,0	0,0	11,2
Относится положи-тельно к росту числа нерус-ских мигрантов	0,0	45,3	0,0	7,2
Вполне привык к при-сутствию в городе боль-шого числа мигрантов	2,4	82,7	27,0	37,6
Привык частично к при-сутствию в городе боль-шого числа мигрантов, так как их присутствие меня иногда напрягает	51,5	17,3	71,3	45,6
Совершенно не может привыкнуть к присут-ствию в городе большого числа мигрантов	43,8	0,0	1,7	12,8
Считает, что рост числа мигрантов — не пробле-ма, а решение других проблем для города	3,0	72,0	13,0	35,2
Считает, что рост числа мигрантов — проблема, которая усугубляет дру-гие проблемы	85,8	14,7	76,5	22,4
Не нужно разрешать ми-грантам получать рос-сийское гражданство	59,2	4,0	8,7	15,2
Считает, что мигранты	3,6	64,0	60,0	20,8

Показатели отношения к мигрантам	Кластеры			
	«Неприми- римые»	«Действенные благожелатели»	«Противо- речивые»	«Равно- душные»
вполне свои, если освои- лись и не нарушают наших законов				
Приемлемы брачные от- ношения с представите- лями хотя бы одной национальной группы мигрантов	5,0	48,6	38,9	6,7
Приемлема личная дружба с представите- лями хотя бы одной национальной группы мигрантов	13,8	81,9	62,8	24,4
Приемлемы отношения с представителями хотя бы одной национальной группы мигрантов в ка- честве коллег по работе	21,4	87,5	73,5	38,7
Известно больше отри- цательной информации о мигрантах	78,1	18,7	62,6	42,4
Есть в кругу людей, с которыми контактирует, представители мигран- тов	29,6	78,7	56,5	30,4
Были факты оказания помощи мигрантам	16	68	33	10,4

Подсчеты сделаны Е. Л. Могильчак.

Второй кластер — «действенные благожелатели» (75 чел. — 15,5 %).

Действенность представителей этого кластера проявляется в обширном опыте общения с мигрантами, в готовности оказать им помощь по некоторым вопросам. Естественным следствием или предпосылкой «позитивной действенности» является положительное отношение как к пребыванию мигрантов в Екатеринбурге, так и готовность воспринять их в качестве брачных партнеров или друзей: так, 82 % респондентов, входящих в данный кластер, считают приемлемой личную дружбу с

лицами хотя бы одной национальной группы мигрантов из Центральной Азии; они преимущественно готовы в деловых отношениях общаться с мигрантами как с партнерами, а в 93 % случаев не возражали бы против предоставления им гражданства. «Действенные благожелатели» указывают большее число обстоятельств, которые могут способствовать «похожести» местных жителей и приезжих, чаще демонстрируют привыкание к большому числу мигрантов в городе и считают, что при длительном проживании мигранта в городе его можно считать «своим». В качестве наиболее распространенных факторов нарастания «похожести» называются совместная работа и род занятий. В 82,7 % случаев «действенные благожелатели», наиболее лояльные по отношению к выходцам из Центральной Азии, полагают, что вполне привыкли к присутствию в городе большого числа выходцев из Центральной Азии (см. табл. 4). Около 68 % ее состава имели опыт оказания помощи приезжим, они выражают готовность оказать мигрантам максимальное число видов помощи — содействие в поиске жилья, работы, предоставление одежды, предметов быта, нужной информации для адаптации в России. Представители этого кластера лучше знают культуру мигрантов и чаще допускают ее сохранение, а не растворение в русской культуре, готовы меняться под влиянием новых культурных норм, которые несут с собой мигранты. Понимание и принятие иноэтничной культуры связаны в том числе и с высоким разнообразием и плотностью контактов с мигрантами: в круг общения входят коллеги по работе, друзья, соседи по дому, по двору, причем соседи входят в круг общения минимум в 1,5 раза чаще, чем в других кластерах, друзья — минимум в 2,2 раза. Респонденты, входящие в кластер «действенных благожелателей», имеют сходство с кластером «противоречивых» по такому признаку, как наличие мигрантов среди коллег по работе: так, в данных группах примерно каждый пятый опрошенный общается с мигрантами из Центральной Азии в трудовом коллективе. Следствием этого является более частое указание на совместную работу и один род занятий в качестве обстоятельств, объединяющих мигрантов с местным населением и благоприятствующих нарастанию «похожести» местных жителей и приезжих.

Третий кластер: «противоречивые» (116 чел. — 23,8 %).

По позитивности отношения к народам Центральной Азии он близок к «действенным благожелателям». Представители этого кластера имеют достаточно выраженную готовность ввести мигрантов в круг близких людей, оказать помощь в решении отдельных проблем, не против предоставления приезжим российского гражданства. Для 63 % опрошенных из этого кластера приемлема личная дружба с выходцами из некоторых центрально-азиатских групп, а для 39 % — брачные отношения. Как и в кластере «действенных благожелателей», здесь часто отмечается, что при длительном проживании мигранта в городе его можно считать «своим». Но степень привыкания этой группы к мигрантам не столь велика: 71 % опрошенных указали, что привыкли лишь частично к присутствию в городе выходцев из Центральной Азии, так как их присутствие иногда «напрягает» (см. табл. 3.6). В 90 % случаев «противоречивые» критически относятся к росту числа мигрантов, а 77 % из них рассматривают миграцию из Средней Азии как проблему, которая осложняет жизнь горожанам. Нужно также отметить, что экономические проблемы для местного населения, связанные с приездом мигрантов, упоминаются в данной группе чаще, чем в других кластерах. Мы наблюдаем, таким образом, противоречие между личностным восприятием представителями данного кластера народов Центральной Азии и их миграцией на территорию России, выступающей в качестве социального процесса.

Рассмотрим анализируемый кластер «противоречивых» в сравнении с вышеуказанными типологическими группами. Несмотря на сходство с группой «действенных благожелателей» по показателям позитивного отношения к мигрантам, здесь в два раза реже встречаются люди, имевшие опыт оказания помощи мигрантам, и в три раза реже — указавшие на то, что вполне привыкли к присутствию в городе большого числа мигрантов. Чаще, чем в кластере «действенных благожелателей», уровень культуры мигрантов из Центральной Азии оценивается как низкий, также в большей степени указывается на владение информацией о мигрантах, которая является скорее отрицательной, чем положительной. Однако обладание негативными сведениями о мигрантах не сочетается в данном кластере с таким же распространенным мнением о низком уровне культуры приезжих, как у «непримиримых». Как и в кластере «непримиримых», в группе «противоречивых» чаще, чем в других

кластерах, интересуются историей и литературой своего народа, осознают необходимость ведущей роли русской культуры (см. табл. 3,7). В большинстве случаев здесь зафиксирована неготовность меняться под влиянием новых культурных норм, которые несут с собой мигранты. Коренное отличие данных групп — в значительно меньшей выраженности в кластере «противоречивых» внимания к собственной национальности и большем внимании к культуре других наций: так, в кластере «противоречивых» респонденты, отметившие, что никакие национальности не вызывают у них неприязни, встречаются в три раза чаще, чем в группе «непримиримых»; в полтора раза меньше доля тех, кто постоянно помнит о своей национальности, но больше знакомых с культурными особенностями народов Центральной Азии. Таким образом, в данной группе интерес к культуре собственной нации сочетается с большей информированностью о культуре приезжих. Акцент на культурной составляющей проявляется в характере требований к мигрантам, оценке факторов, объединяющих их с местным населением: так, здесь чаще, чем в других кластерах, выдвигается требование к мигрантам выполнять культурные нормы, принятые в России, а в качестве факторов, могущих объединить россиян и приезжих, более часто выдвигается владение одним языком.

Таблица 3.7 — Показатели национально-культурных характеристик
в кластерах (% от числа опрошенных в каждом кластере)

Национально-культурные характеристики	Кластеры			
	«Непримиримые»	«Действенные благожелатели»	«Противоречивые»	«Равнодушные»
Интересуется литературой на национальном языке либо историей своего народа	68,6	52,0	66,1	40,0
Полностью согласен с утверждением «Я постоянно помню о своей национальности»	65,1	37,8	41,2	24,0
Считает, что русская культура должна занимать ведущее место в	84,0	66,7	75,7	64,0

Национально-культурные характеристики	Кластеры			
	«Неприми- мые»	«Действенные благожелате- ли»	«Противо- речивые»	«Равно- душные»
нашей стране				
Некоторые националь- ности вызывают непри- язнь	33,3	8,0	18,3	9,6
Может отличить мигран- тов хотя бы некоторых национальностей по внешнему виду	40,5	64	60	26,4
Знаком с культурными особенностями всех или некоторых националь- ных групп	20,8	56,0	33,3	17,6
Оценивает уровень куль- туры поведения мигран- тов как низкий	57,1	1,3	23,5	13,0
Никакие национальности не вызывают неприязни	13,1	66,7	40,9	35,2
Не возражает против со- хранения мигрантами своей культуры	28,6	65,3	44,3	40,8

Подсчеты и анализ сделаны Е. Л. Могильчак.

Четвертый кластер — «равнодушные» (125 чел. — 25,8 %).

Кластер ориентирован на сохранение дистанции с выходцами из Центральной Азии (как в плане минимизации контактов, так и получения информации об этих народах). Установка на нейтралитет и удаленность среди представителей этого кластера проявляется и в небольшом числе требований к мигрантам. Кроме того, указывается меньшее число характеристик данных народов, которые могут влиять на отношение к ним со стороны россиян. Низкая информированность о приезжих проявляется не только в использовании минимального среди четырех анализируемых кластеров числа источников информации. Можно говорить и об отсутствии сформированного мнения по вопросам, связанным с приездом мигрантов на территорию города и увеличением их численности. Так, на вопрос об отношении к приему нерусских мигрантов «равнодушные» продемонстрировали безразличное отношение к этому вопросу либо дали ответ «не знаю» (73 и 16 % соответствен-

но), т.е. почти у 90 % опрошенных в этой классификационной группе четкая позиция по данному вопросу отсутствует. Похожая ситуация сложилась и при ответе на вопрос об отношении к росту числа мигрантов — 84 %. Несмотря на небольшое желание вводить мигрантов в круг близких людей, «равнодушные» почти в 70 % случаев не возражают против предоставления им гражданства, а в 38 % — утверждают, что вполне привыкли к присутствию в городе приезжих из Центральной Азии, причем такое отношение сочетается с ощутимым незнанием культуры данных национальных групп (более 80 % опрошенных).

В кластере «равнодушных» так же, как и у «непримиримых», наблюдаются достаточно высокая социальная дистанция с мигрантами и низкая информированность об их культурных особенностях. Но концентрация на своей национальности, интерес к ценностям собственной культуры являются здесь тоже крайне слабыми. Поэтому дистанцирование от мигрантов связано не с обеспечением защитной культурной функции, как в кластере «непримиримых», а с культурным безразличием — как к культуре выходцев из Центральной Азии, так и отчасти к культуре собственной нации.

Выделение типологических групп отношения жителей Екатеринбурга к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии позволяет видеть не только остроту проблем взаимной интеграции местного населения и приезжих, но и прогнозировать развитие межнациональных взаимоотношений в регионе, что является актуальным для проблематики формирования общей социальной идентичности коренных и приезжих.

3.3. Коммуникационные проблемы взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества

Наш анализ коммуникационных проблем при взаимодействии принимающего сообщества и иноэтничных мигрантов основывается на том, что первая латентная стадия межэтнических конфликтов¹ во многом базируется на несовпадении культур и является основой потенциальной напряженности между приезжими из стран

¹ См.: Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 101–102.

Центральной Азии и россиянами, когда они являются участниками коммуникационных взаимодействий.

К. Делхес выделяет три основные причины коммуникационных конфликтов: личные особенности коммуникантов (например, низкая способность или низкая готовность к адаптации, подавленная злость); социальные отношения (например, недостаточная готовность к компромиссам, противоречащие цели и средства их достижения); организационные отношения (перегрузка работой, противоречащие друг другу цели, постоянные изменения правил и предписаний для отдельных участников коммуникации)¹.

Культурные различия, на которых авторы хотели бы остановиться, влияют в рамках предложенной классификации прежде всего на социальные отношения, т. к. межличностные отношения всегда определены культурным контекстом. Но в тоже время культурные различия влияют на акцентирование тех или иных личных особенностей коммуникантов, поощряемых в рамках определенной культуры, а также затрагивают организационные отношения, другими словами: участвуют в формировании всех трех причин коммуникационных конфликтов. В ситуации межэтнической напряженности при переходе от латентной фазы к фрустрационной культурные различия переводятся из фонового состояния на уровень акцентирования различий между этническими группами, и этот процесс может сопровождаться противопоставлением собственной группы другой группе. Проблема может отражаться в сознании индивида, проявляться в межличностной и межгрупповой коммуникации, в публичном дискурсе.

Особый аспект анализа — изучение видов и форм коммуникационных контактов россиян и мигрантов. Опрос мигрантов выявил проблему существования, прежде всего, вынужденных видов контактов между мигрантами и жителями Екатеринбурга в сфере профессиональной деятельности и формально-соседских отношений (см. табл. 3.8).

¹ См.: Delhees K. Soziale Kommunikation. Psychologische Grundlagen für das Miteinander in der modernen Gesellschaft. Opiaden: Westdeutscher Verlag, 1994.

Несмотря на то, что около 40 % опрошенных мигрантов отметили наличие дружеских отношений с жителями города, 69,8 % этой группы составляет молодежь возраста 16–29 лет, стремление к расширению дружеских контактов для которой является потребностью, обусловленной этапом социализации. Для сравнения отметим, что представителей группы возраста 30–54 лет в этой когорте всего 28 %.

Опрос жителей Екатеринбурга показал, что информация о нерусских мигрантах поступает к горожанам в основном через средства массовой информации. Как правило, эта информация носит отрицательный характер: 56,1 % респондентов ответили, что им известно больше отрицательной информации о мигрантах, чем положительной.

Таблица 3.8 — В каком качестве или по какому поводу
Вы чаще всего общаетесь с жителями Екатеринбурга?

Поводы для общения	Число ответивших	% от числа ответивших*
При выполнении работы	154	67,0
Как соседи по дому, по двору	106	46,1
Как друзья	94	40,9
Как посетители кафе, почты, в торговых центрах, в кино, на рынке и т. п.	84	36,5
Во время прогулок по улицам города, во дворе, в парках, в скверах	57	24,8
Как исполнители услуг (ремонт жилья, уборка помещений и др.)	49	21,3
Как посетители больниц (для взрослых, для детей)	48	20,9
Как родственники	33	14,3
Как родители детей (школа, детский сад, спортивная секция и др.)	17	7,4

* Респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

Наши данные свидетельствуют о том, что фактор личных контактов положительно коррелирует со степенью благоприятности диспозиции относительно ми-

грантов. Чем шире круг контактов с мигрантами, тем чаще отношения личной дружбы с ними рассматриваются как приемлемые, больше видов помощи, которую готовы предоставить им жители города, реже встречается отрицательное отношение к предоставлению гражданства и указание на низкий уровень культуры приезжих. Так, респонденты, которые общаются с представителями данных народов, почти в три раза реже выступают против получения ими российского гражданства в сравнении с теми, у кого в круге общения выходцы из Центральной Азии отсутствуют. В группе общающихся также меньше противников постоянного приема нерусских мигрантов из стран Центральной Азии, роста числа мигрантов в городе, меньше осознающих мигрантов как «чужих». Особо нужно отметить, что среди имеющих контакты с мигрантами всего лишь 8,5 % указали, что совершенно не могут привыкнуть к присутствию в городе большого числа лиц данных национальных групп; среди не имеющих контактов данный показатель составил 39 %.

В отношении коммуникационных проблем взаимодействия мигрантов и горожан анализ показал следующее. Основную информацию о мигрантах из стран Центральной Азии жители Екатеринбурга получают тремя способами:

- из сообщений СМИ: телевидение (56,1 %), «новые» медиа в Интернете (32,2 %), газеты (17,1 %), радио (15,3 %);
- при контактах с родственниками, друзьями и знакомыми: личные встречи (19,6 %), через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации (15,7 %);
- при контактах с мигрантами: лично (23,7 %), через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации (3,9 %).

Опрос мигрантов выявил тот факт, что они получают информацию о жителях Екатеринбурга такими же способами:

- из сообщений СМИ: телевидение (62,3 %), «новые» медиа в Интернете (55,8 %), газеты (16,5 %), радио (19 %);

— при контактах с родственниками, друзьями и знакомыми своей национальности: личные встречи (47,7 %), через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации (18,6 %);

— при контактах с русскими: лично (32,9 %), через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации (30,3 %).

Таким образом, можно констатировать, что коренные и приезжие имеют доступ к одним и тем же каналам информации. Барьером в получении достоверной информации является прежде всего отсутствие мотивации у жителей Екатеринбурга узнавать что-то новое о мигрантах, т. е. низкий уровень осознания проблемы необходимости взаимоадаптации групп. Затрудняет коммуникацию и то обстоятельство, что мигранты, не ориентированные на присвоение культурной идентичности региона, не стремятся получать информацию более глубокого содержания, чем та, которая позволяет им адаптироваться поверхностно, т. е. до установленных ими самими пределов в зависимости от цели проживания в России. Кроме того, к коммуникационным проблемам можно отнести качество информации, которую транслируют средства массовой информации и коммуникации всех уровней — прежде всего через телевидение и Интернет.

Исследование коммуникационного поля региона показывает, что этнокультурные объединения стремятся стать активными субъектами массовой коммуникации с целью влияния на общественное мнение, однако формы и инструменты такого влияния зачастую дают обратный эффект по сравнению с запланированным, обостряя ситуацию в регионе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для успешного социально-экономического развития территории, улучшения ее человеческого капитала, возможности мягкого перехода к экономике 4.0 необходимо искать пути выстраивания эффективного взаимодействия между жителями принимающей территории и мигрантами. С нашей точки зрения, эффективное взаимодействие возможно в контексте интеграции этих двух социальных общностей. Первым шагом на пути интеграции может быть формирование общей территориальной идентичности коренных жителей и приезжих. Это процесс взаимного сближения, готовности менять свое повседневное поведение, культурные привычки для совместного безопасного проживания на одной территории.

В монографии анализируется возможность такого развития событий, готовность к нему как со стороны представителей принимающего сообщества, так и со стороны мигрантов. Результаты исследования показывают, что на пути формирования общей социальной идентичности существует много проблем. Особую роль играют СМИ, так как у большинства жителей принимающей территории нет непосредственного опыта взаимодействия с мигрантами, и они определяют свое отношение к ним в большей степени на основе информации, полученной из СМИ.

Самое существенное препятствие на пути формирования общей социальной идентичности — это отношение к иноэтничным мигрантам жителей принимающей территории. Большинство из них негативно относится к увеличению числа мигрантов, не понимает социально-экономической обусловленности данного процесса, не соглашается с необходимостью пересматривать свое повседневное поведение и культурные привычки, уверено, что меняться должны приезжие. Среди мигрантов также велика группа тех, кто настроен на этническую замкнутость внутри диаспоры и стратегию минимизации контактов с коренными жителями.

Вместе с тем, существует небольшая на данный момент группа жителей Екатеринбурга (8,9 %), настроенная по отношению к росту приезжающих из стран Центральной Азии мигрантов положительно, на это влияет наличие опыта взаимодействия с мигрантами и более широкая, чем этническая, самоидентификация респондента (гражданская). Именно у этой группы можно выделить признаки,

свидетельствующие о возможности формирования общей социальной идентичности с мигрантами из стран Центральной Азии. Если анализировать особенности этих респондентов, то можно отметить, что общая идентичность может выстраиваться на признании общности проживания на одной территории и принадлежности к одной социальной группе. Используя понимание характеристик этой группы и значимых для нее аспектов, можно планировать и осуществлять мероприятия, нацеленные на вовлечение населения принимающей территории в процесс формирования общей социальной идентичности.

Среди иноэтничных мигрантов также можно выделить группу, наиболее конструктивную по отношению к данным процессам. Это мигранты, которые хотели бы остаться жить в России, получить российское гражданство. Они, как правило, хорошо знают русский язык и хорошо знакомы с российским законодательством, имеют более широкий круг контактов с коренным населением по сравнению с другими мигрантами. Если на уровне миграционной политики будут создаваться условия благоприятные именно для этой группы мигрантов, то это тоже будет способствовать успешному формированию общей социальной идентичности.

Таким образом, учитывая негативный опыт отношений иноэтничных мигрантов и принимающего сообщества в Европейском союзе, следует обратить особое внимание не только на формирование общегражданской идентичности мигрантов, но и на формирование общей социально-культурной идентичности коренных и приезжих. Анализ показывает, что проблема отрицательного отношения к иноэтничным мигрантам обостряется по мере нарастания их количества. И хотя официальная статистика не дает оснований для многих страхов, связанных с присутствием мигрантов, но все же мнение россиян наряду с объективными факторами может являться катализатором распространения мигрантофобии в России. Общим фоном усиления ксенофобии и мигрантофобии в России является нарастание неопределенности социальной системы из-за многомиллионного притока иностранных граждан, имеющих непонятный социальный статус, что ломает привычные правила, нормы деловых и бытовых взаимоотношений, заставляет коренное население приспосабливаться к быстрым изменениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” // *Theory and Society*. 2000. Т. 29. № 1. С. 1–47.
2. Delhees K. *Soziale Kommunikation. Psychologische Grundlagen für das Miteinander in der modernen Gesellschaft*. Opiaden: Westdeutscher Verlag, 1994.
3. Fukuyama F. The Challenges for European Identity = Проблемы европейской идентичности // *The Global Journal*. 11.01.2012. [Электронный ресурс] URL: <http://theglobaljournal.net/article/view/469>
4. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. P. 201.
5. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. Цит. по: Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Ч. 1. Стигма и социальная идентичность / пер. с англ. М. С. Добряковой // *Экономика. Социология. Менеджмент*. [Электронный ресурс] URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/17687311>
6. Huntington, S.P. *Who Are We? The Challenges to America’s National Identity*. New York: Simon& Schuster, 2004.
7. Karlsen S., Nazroo J.Y. Ethnic and Religious Differences in the Attitudes of People Towards Being “British” // *The Sociological Review*. 2015. Vol. 63. No. 4. P. 759–781.
8. Koopmans R., Statham P. *Challenging Immigration and Ethnic Relations Politics: Comparative European Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 233–282.
9. Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. 312 p.
10. Mead G. H. *Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: University of Chicago, 1934. P. 35.
11. Miranda Sh. M., Young A., Yetgin E. Are Social Media Emancipatory or Hegemonic? Societal Effects of Mass Media Digitization in the Case of the SOPA Dis-

course // *Management Information Systems Quarterly*. 2016. Vol. 40. № 2. P. 303–329.

12. Ponizovskiy V. A. Values and Attitudes Towards Immigrants: Cross-cultural Differences Across 25 Countries // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13. № 2. С. 256–272.

13. Rath J. Political Action of Immigrants in the Netherlands: Class or Ethnicity? // *European Journal of Political Research*. 1988. № 16/6. P. 635.

14. Roblain A., Azzi A., Licata L. Why Do Majority Members Prefer Immigrants Who Adopt the Host Culture? The Role of Perceived Identification with the Host Nation // *International Journal of Intercultural Relations*. 2016. Vol. 55. P. 44–54.

15. Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. The Institutionalization of Mobility: Well-being and Social Hierarchies in Central Asian Translocal Livelihoods // *Mobilities*. 2016. Vol. 11. No. 3. P. 420–443.

16. Schröder Ph., Stephan-Emmrich M. Указ. соч.

17. Simpson J.J., Simpson P.M., Cruz-Milan O. Attitude towards Immigrants and Security: Effects on Destination-loyal Tourists // *Tourism Management*. 2016. Vol. 57. P. 373–386.

18. Verba S., Nie N. H. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. New York: Harper & Row, 1972. 428 p.

19. Waisman G., Larsen B. Income, Amenities and Negative Attitudes // *IZA Journal of Migration*. 2016. Vol. 5. No. 8. P. 1–32.

20. Weber M. Economy and society / ed. by G. Roth & C. Wittich. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1978. P. 390.

21. Абрамова М. А., Гончарова Г. С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // *Социологические исследования*. 2009. № 3. С. 108–115.

22. Акмалова А. А., Капицын В. М. Современная этническая миграция и миграционная политика (идентификационный аспект) // *Общество. Государство. Политика*, 2009. № 1. С. 60–73.

23. Афанасьева Л. В., Букреева И. В., Глинская Л. Ф., Орлов А. В. Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального

политкультурного социума // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 52–58.

24. Афанасьева Л. В., Букреева И. В., Глинская Л. Ф., Орлов А. В. Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального политкультурного социума // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 52–58.

25. Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодолений // Мир России. 2011. Т. XX. № 1. С. 74–87.

26. Бабинцев В. П., Заливанский Б. В., Самохвалова Е. В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодолений // Мир России. 2011. Т. XX. № 1. С. 74–87.

27. Безруков А., Мамонов М., Маркедонов С., Сушенцов А. Международные угрозы 2016 // Внешняя политика. [Электронный ресурс] URL: [http://www.foreignpolicy.ru/forecasts/mezhdunarodnye-ugrozy-2016/#Потенциальные %20конфликты %20в %20Азии](http://www.foreignpolicy.ru/forecasts/mezhdunarodnye-ugrozy-2016/#Потенциальные%20конфликты%20в%20Азии) (дата обращения: 22.11.2018).

28. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 85.

29. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. [Электронный ресурс] URL: http://rl-online.ru/articles/3_4-01/198.html

30. Берри Дж. У. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы // Развитие личности. 2001. № 3/4. С. 183–193.

31. Бритвин А. М., Бритвина И. Б., Старостова Л. Э. Интегративная модель бренда российского города: региональный аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 73–75.

32. Бритвина И. Б. Внешняя миграция как фактор культурной идентичности территории: проблема продвижения российских городов // Век информации. Медиа в современном мире. СПб.: Высш. шк. журналистики и масс. коммуникаций, 2015. С. 269–271.

33. Бритвина И. Б., Бритвин А. М. Миграции: стратегии выживания или завоевания? // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. Т. 1. С. 179–183.

34. Бритвина И. Б., Григорьева К. А. Влияние информации о внешних иноэтничных мигрантах на отношение к ним жителей Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 2. С. 169–174.

35. Бритвина И. Б., Могильчак Е. Л. Типология жителей российского мегаполиса по отношению к иноэтничным мигрантам // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 114–134.

36. Бритвина И. Б., Савчук Г. А., Бритвин А. М., Жбанкова С. А. Этническая культура как фактор интеграции жителей полиэтничной территории // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2016. № 4 (156). С. 203–211.

37. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 75.

38. Васильева Т. А. Политика интеграции: западноевропейский опыт // Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М., 2014. С. 236.

39. Взгляд: деловая газета. 28.12.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://vz.ru/news/2014/12/28/722641.html> (дата обращения: 07.04.2016).

40. Вишневский А. Г. Альтернативы миграционной стратегии // Россия в глобальной политике. 2004. № 6. [Электронный ресурс] URL: http://globalaffairs.ru/number/n_4215 (дата обращения: 10.04.2016).

41. Воробьева Н. В. Трансформация занятости трудовых мигрантов // Единый миграционный центр: сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://migraciaural.ru/content/63/vorobeva-n-v-k-e-n-institut-ekonomiki-uro-ran-g-ekaterinburg-transformatsiya-zanyatosti-trudovyh-migrantov/1> (дата обращения: 10.12.2018).

42. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет [Электронный ресурс] / 2-е изд., доп. М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с. 1 CD ROM.
43. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. С. 207–209.
44. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб., 2001.
45. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. СПб.: Кристалл, 2001. С. 25.
46. Демоскоп Weekly. 2014. № 609/610. 8–21 сент. [Электронный ресурс] URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0635/barom01.php> (дата обращения: 01.04.2016).
47. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. М.: Новое издательство, 2011. 460 с.
48. Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. С. 282.
49. ¹Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31. С. 8, 14.
50. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтничной среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49–58. С. 54.
51. Единая миграционная служба: сайт юридического центра. 04.07.2015. [Электронный ресурс] URL: <http://www.grrf.ru/smi-o-nas/novosti/470-kolichestvo-trudovyx-migrantov-iz-kirgizii-tadzhikistana-i-uzbekistana-v-rossii-prodolzhaet-rasti.html> (дата обращения: 01.04.2016).
52. Зайончковская Ж. А. Миграции населения России: новейшие тенденции // Проблемы расселения: история и современность. М.: Ваш выбор, 1997. С. 30–37.
53. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. С. 27.
54. Козыра Д. Н., Садовникова Н. О. Толерантность современной молодежи: этнический и социальный аспекты // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал.

2016. Т. 11. С. 1951–1955. [Электронный ресурс] URL: <http://e-koncept.ru/2016/86417.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

55. Кочетков В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.

56. Лебедева Н. М. Этническая толерантность в России и способы ее укрепления // Проблемы миграции и опыт ее регулирования в полиэтничном Кавказском регионе: междунар. науч. конф. (Ставрополь, 6–9 окт. 2003 г.). [Электронный ресурс] URL: <http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1-35.htm> (дата обращения: 01.09.2016).

57. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.

58. Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика / отв. ред. В. И. Мукомель. М., 2014. 245 с.

59. Миграционная служба Свердловской области: офиц. сайт. 22.01.2014. [Электронный ресурс] URL: <http://ufms-ural.ru/news/view/365> (дата обращения: 07.04.2016).

60. Окладникова Е. А. Общественное мнение жителей Санкт-Петербурга о трудовых мигрантах и факторы, его формирующие // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 423–430.

61. Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15635> (дата обращения: 08.11.2018).

62. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 136.

63. Рязанов А. В. Этнос в коммуникативном пространстве социума: дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 339 с.

64. Санина А. Г. Генезис идей идентичности в социологии и смежных науках // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 3–11.

65. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 101–102.

66. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. С. 98.
67. Старостин А. Н. Интеграционный потенциал Среднего Урала: риски, тенденции и перспективы // Проблемы соблюдения прав человека в условиях массовой трудовой миграции: спец. доклад. Екатеринбург, 2013. С. 35–59.
68. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666.
69. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 97.
70. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. С. 349.
71. Федеральная служба статистики: офиц. сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 08.11.2018).
72. Форум переселенческих организаций. 21.03.2016. [Электронный ресурс] URL: <http://migrant.ru/desyataya-sessiya-dialoga-rossiya-es-po-migracii> (дата обращения: 07.04.2016).
73. Фрейд З. Обращение к членам Бнай Брит // Неудовлетворенность культурой: сб. ст. М.: Московский рабочий, 1990. С. 155–157.
74. Фромм Э. Здоровое общество. М.: АСТ, 2011. С. 28.
75. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. С. 52.
76. Ходжаева Е. А., Шумилова Е. А. Возрождение религии и этническая идентичность татарской молодежи в Республике Татарстан // Социологические исследования. 2003. № 3. С. 106–108.
77. Численность и миграция населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906 (дата обращения: 18.09.2017).
78. Чупик В. В. Дискриминация мигрантов в России // Там же. С. 111–138.

79. Эриксон Э. Детство и общество / 2-е изд. СПб.: Ленато: АСТ: Университетская книга, 1996. С. 124.

80. Ядов В. А. Социальные и социально-философские механизмы формирования социальной идентичности // Мир России. 1995. № 3. С. 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ТЕРРИТОРИИ	8
1.1. Социальная идентичность: сущность и подходы	8
1.2. Виды социальной идентичности	15
2. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ И ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА	25
2.1. Проблемы формирования общегражданской идентичности коренных и приезжих	25
2.2. Барьеры на пути формирования социальной идентичности россиян и внешних мигрантов	32
2.3. Роль СМИ в формировании социальной идентичности внешних мигрантов и россиян	51
2.4. Модель формирования социальной идентичности жителей Екатеринбурга и мигрантов из стран Центральной Азии	59
3. ОТНОШЕНИЕ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА К ИНОЭТНИЧНЫМ МИГРАНТАМ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	63
3.1. Отношение к иноэтничным мигрантам жителей Екатеринбурга и роль этнической культуры в интеграции коренных жителей и приезжих	63
3.2. Типология отношения к иноэтничным мигрантам	82
3.3. Коммуникационные проблемы взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества	90
Заключение	95
Библиографический список	97

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОГО МЕГАПОЛИСА
И ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТОВ**

Монография

Авторы:

Бритвина Ирина Борисовна

Бритвин Алексей Михайлович

Савчук Галина Анатольевна

Шумилова Полина Андреевна

Франц Валерия Андреевна

Ответственный за выпуск *С. В. Кульпин*

Редактор *Е. В. Кеммет*

Компьютерная верстка *Е. В. Кеммет*

Подписано в печать 12.12.2018. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 6,1. Уч. изд. 5 л.

Гарнитура Times.

Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 361.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

В монографии освещаются проблемы формирования социальной идентичности жителей уральского мегаполиса в условиях притока иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии. Авторы анализируют коммуникационные, культурные, экономические и политические барьеры на пути возникновения общей идентичности принимающего сообщества и внешних мигрантов. Адресовано студентам, обучающимся по направлениям «Реклама и связи с общественностью», «Социология», «Социальная работа», «Политология», «История» и др.

